

Александр Верещагин

Дома и на войне

Александр Васильевич Верещагин

Дома и на войне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22551056

Аннотация

«В октябре месяце 1879 года я занимал посты со своей 3-й сотней владикавказского казачьего полка (которую командовал в Турецкую кампанию), по Военно-грузинской дороге, от Владикавказа до станции Коби. Штаб сотни находился в маленькой старинной крепости Джерах, верстах в десяти от знаменитого Дарьяльского ущелья. От нечего делать, случалось, по целым часам глядел я из окон крепости на причудливые вершины гор, как они то заволакивались облаками, то опять появлялись на свет Божий. Маленькими белыми пятнышками виднелись прилепившиеся кой-где по склонам гор бедные сакли туземцев. По шоссе, мимо крепости, ежедневно проезжало множество фургонов с товарами и различных экипажей с пассажирами...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	22
Глава IV	33
Глава V	60
Глава VI	69
Глава VII	82
Глава VIII	92
Глава IX	101
Глава X	113
Глава XI	125
Глава XII	131
Глава XIII	137

Александр Верещагин

Дома и на войне

Глава I

От Петербурга до Чикишляра

В октябре месяце 1879 года я занимал посты со своей 3-й сотней владикавказского казачьего полка (которою командовал в Турецкую кампанию), по Военно-грузинской дороге, от Владикавказа до станции Коби. Штаб сотни находился в маленькой старинной крепости Джерах, верстах в десяти от знаменитого Дарьяльского ущелья. От нечего делать, случилось, по целым часам глядел я из окон крепости на причудливые вершины гор, как они то заволакивались облаками, то опять появлялись на свет Божий. Маленькими белыми пятнышками виднелись прилепившиеся кой-где по склонам гор бедные сакли туземцев. По шоссе, мимо крепости, ежедневно проезжало множество фургонов с товарами и различных экипажей с пассажирами.

Как-то раз, вечером, я поручил старшему офицеру посты, а сам поехал во Владикавказ в клуб. Там узнаю печальную новость: наши войска в Закаспийском крае потерпели сильное поражение при штурме текинской крепости Геок-Тепе.

Рассказывали это приехавшие оттуда офицеры, участники штурма, причем один из них, у которого правая рука подвязана была черной косынкой, сопровождал свои рассказы такими грустными подробностями, что даже стыдно становилось за тамошних военачальников. – Говорят, будет новая экспедиция, Скобелева прочат в начальники, – добавили офицеры в конце рассказа. – Узнав все это, я немедленно написал брату Василию¹ в Париж, чтобы он просил Скобелева взять меня с собой в поход.

Вскоре получаю ответ от брата, что к Новому году он будет в Петербурге и чтобы к тому времени и я приезжал туда. Я так и сделал. В это время еще шли толки о том, кто будет начальником экспедиции. Называли многих, но больше всего верили в назначение Скобелева. Брат Василий исполнил мою просьбу. Генерал Скобелев, как только был назначен начальником, зачислил меня к себе состоящим в его распоряжении.

Конечно, три года тому назад, я ехал в турецкий поход с совершенно другим чувством. Тогда я весь горел желанием поскорее увидеть Болгарию, болгарский народ, посмотреть, как он живет, самому убедиться в его бедствиях, сразиться с турками и отмстить им за болгар. На Дунае тогда сосредоточивалась наша армия, там был Государь, туда обращены были мысли и взоры всей России. Текинская же экспедиция далеко не могла представить того интереса. Да и сама цель

---

¹ В. В. Верещагин, известный русский художник.

ее была слишком мала, чтобы можно было с таким же рвением стремиться для ее выполнения. Покорить, наказать какой-то маленький неизвестный народишко, текинское племя! Перед отъездом меня осыпали вопросами: – Где такой Текинский оазис? Не знаете ли, не можете ли вы мне показать на карте его границы? Вы вот едете в текинскую экспедицию, объясните, пожалуйста, за что мы с ними деремся? И, по правде сказать, я не мог хорошенько ответить. Попасть я желал в этот поход только ради того, что начальником экспедиции был Скобелев. Его я хорошо узнал в прошлый поход и высоко уважал как боевого генерала, а поэтому-то мне и хотелось служить с ним. Я был уверен, что Скобелев не сделает тех ошибок, какие были сделаны в предшествовавшие экспедиции, поведет дело умно, энергично и быстро завоюет край. Кроме того, я хорошо знал, что все участники похода будут получать большое жалованье, не говоря уже о служебных наградах. Я не сомневался, что получу за поход следующий чин и очередную награду. А оставаясь на Кавказе, я этого не получил бы и в десять лет. Не знаю почему, но только перед Турецкой кампанией я очень мало мечтал о наградах и, помню, когда получил первый орден св. Станислава 3-й степени, то мнил себя чуть не генералом. И несмотря на то, что очевидцы прошлых экспедиций рисовали нам текинский поход в самых мрачных красках, я все-таки охотно пустился в путь, заранее представляя себя скачущим на лихом туркменском коне по безграничным текинским пустыням.

30-го апреля 1880 года день был солнечный. У пристани города Петровска, на берегу Каспийского моря, столпилось много публики. Тут виден был и простой народ, и чиновники, и военный люд, и дамы с распущенными зонтиками, и дети. Все они пришли провожать генерала Скобелева, отправляющегося в Закаспийский край покорять текинцев. Самого генерала не было тут, он ушел на пароход, который, слегка шипя, понемногу выпускал чересчур накопившиеся пары. Солдаты, матросы, носильщики, казаки, осетины торопливо то сбегают, то поднимаются по сходням парохода. Офицеры, с озабоченными лицами, спешат из города с разною поклажею в руках и очень довольные, что вовремя успели, вприпрыжку спускаются с берега к пристани. Очень много виднеется здесь чиновников интендантских и контрольных. В их движениях заметна большая разница. Первые суеются, бегают, хлопчут. Вторые, напротив, с высоты величия своих обязанностей точно и не замечают, что вокруг них творится, а тихонько прохаживаются вдоль пристани с дорожными сумочками через плечо. А инженеров-то здесь сколько! Они зачем? Железную дорогу будут строить в Текинский оазис. Строитель дороги, генерал Анненков, маленький, седенький, очень подвижный, также едет с нами. Он ушел вместе со Скобелевым и всем штабом осматривать каюты.

Каюты осмотрели. Временно командующий войсками в Закаспийском крае генерал Скобелев первый показывается из глубины парохода. Фуражка на нем белая, китель суро-

венький, на шее, как и всегда, висит Георгиевский крест. Лицо немного пополнело со времени Турецкого похода, рыжие бакенбарды стали гуще и длиннее. Вид у него бодрый и довольный. Выйдя на палубу, Михаил Дмитриевич подымается по крутой узенькой лесенке на широкий балкон; за ним следуют гурьбой его штабные, почти все в белых кителях. Тут и наш начальник штаба войск, полковник Гудима-Левкович, еще совсем молодой человек, высокого роста с русыми усиками и с худощавым бритым лицом. Рядом с ним подымается другой полковник Генерального штаба, Гродеков; он мал ростом, совершенно лысый, в очках. Но по манерам, походке и ухваткам заметно, что это человек бывалый. За ним идет, переваливаясь, ротмистр Эрдели, в адъютантской фуражке. Рядом с Эрдели идет капитан Баранок, единственный из окружающих офицеров, одетый не в китель, а в толстый суконный адъютантский мундир при аксельбантах. Баранок серьезен и сосредоточен. Далее идут остальные состоящие в распоряжении Скобелева: я, одетый в легонькую шерстяную серенькую черкеску; мой приятель поручик конно-гренадерского полка Ушаков, юноша лет 20-ти, очень добрый и симпатичный; генерального штаба капитан Мельницкий, поручик гвардейской артиллерии Кауфман и еще несколько других.

С парохода раздается свисток. Матросы засуетились. На носу со скрипом и звоном поднимают якорь; снасти отвязывают. Пароход начинает тихонько вздрагивать; колеса то в

ту, то в другую сторону слегка похлопывают крыльями по воде. Скобелев снимает фуражку и раскланивается с публикой. Мы все тоже машем платками и фуражками, знакомым и незнакомым. С берега отвечают тем же. Пароход, поворотив немного, дает ход, и, быстро застучав колесами, плавно устремляется по голубой зеркальной поверхности моря.

И вот мы едем к стороне раскаленных песков, фаланг, скорпионов, к стороне, где жители, вольные как птицы, нападают на всякого чужого, грабят и убивают его совершенно безнаказанно.

Сначала мы останавливаемся в форте Ново-Александровске, затем в городе Красноводске и только 7-го мая под вечер подъезжаем к Чикишляру. Запасшись в Петербурге отличным биноклем, я еще издалека увидел берег. Но где же Чикишляр? Никак не могу его разглядеть. Мне он представлялся городом, а оказывается, это маленькое местечко с несколькими лачужками, построенными на низменном, песчаном, совершенно голом берегу.

Только небо одно приковывает здесь взор вновь прибывшего человека. Небо здесь чудное, темно-синее, безоблачное. Оно незаметно сливается в безграничной дали с раскаленными красноватыми песками.

Мне вспомнилось теперь, с каким немим восторгом, вступив первый раз на турецкий берег, я оглядывал там каждый кустик, каждое деревцо и не мог наглядеться. А здесь что? Раскаленная пустыня, да и только! А придется еще ехать по

ней, да и как далеко, да еще и сражаться! Положим, конному все легче, но какво несчастной пехоте! Каково ей шагать по этим пескам, по страшной жаре, без воды, с ранцем за спиной и с тяжелым ружьем на плече. Но к чему человек не приывает! Не прошло и недели, как я, подобно моим товарищам, бегал по песчаному, пыльному Чикишляру, исполняя различные поручения Скобелева: проверял склады, перевешивал интендантские грузы, не обращая никакого внимания на то, что так поразило меня при моем приезде сюда: на это синее безоблачное небо, сливавшееся в беспредельной дали с раскаленными песками, и на палящее, жгучее солнце.

Трудно представить себе что-либо безотраднее Чикишляра. Солнце выжгло все кругом.

– Так вот он какой, Закаспийский край, ахал-текинская земля! Ну, здесь не Турция, думал я, забравшись в отведенную мне комнатку, рядом с полковником Гродековым, и обтирая носовым платком совершенно мокрую от пота шею и грудь. Да как же здесь люди живут, в этой жаре! Ни воды, ни растения, ни даже тени нигде и никакой!

И не скрою, первое время вид Закаспийского края меня сильно смутил; в голове мелькнуло что-то вроде раскаяния, зачем я поехал в эту проклятую сторону.

В Чикишляре мы живем уже неделю. Скобелев каждый день, с утра и до вечера, в движении: осматривает войска, госпиталя, интендантские склады. Проверяет прежние запасы, оставшиеся еще от прошлогодней кампании, а также и

вновь прибывшие из России. Вскоре к Чикишляру пригоняют верблюдов, закупленных по всему Мангышлакскому полуострову, вследствие распоряжения Скобелева, еще до начала похода.

Самая главная задача заключалась в том, чтобы как можно скорее и как возможно больше продвинуть в глубь оазиса различного продовольствия и артиллерийских запасов. Поэтому, прежде чем стягивать войска, генерал позаботился обеспечить их всем этим.

Для перевозки грузов были сформированы верблюжьи транспорты. На каждого верблюда навьючивали от 6 до 8 пудов клади; при 6 верблюдах находился один вожак туркмен. Несколько сот, а иногда и тысяч верблюдов составляли транспорт, который поручался одному офицеру. Транспорту придавался конвой из роты или двух пехоты и казаков, смотря по количеству верблюдов.

Глава II

В окрестностях Яглы-Олума

15-го мая я был назначен начальником летучего отряда в опорный пункт Яглы-Олум. В предписании моем было сказано: «Временно командующий войсками назначил ваше высокоблагородие начальником особого летучего отряда в составе: одной сотни Таманского казачьего полка, команды Полтавского казачьего полка, двух рот 83-го Самурского полка и команды джигитов. Отряд этот к ночи 17 мая сосредоточится в Яглы-Олуме. Цель этого отряда самым деятельным образом охранять верблюжьи транспорты, направляющиеся в укрепление Чат из Чикишляра. Надлежит обратить особое внимание во время расположения на месте и следования верблюжьих транспортов, на охранение всех переправ вверх от Яглы-Олума по реке: Атреку, Кизиль-Олум, Ходжа-Олум, Домцах-Олум, Байрам-Олум и прочие. Наблюдать разъездами пространство вниз по Атреку. В случае появления неприятеля летучий отряд должен самым решительным образом действовать против него, „причем, однако (прибавлено было рукою самого Скобелева), к атаке холодным оружием прибегать только в случае небольшого превосходства в силах со стороны неприятеля или при других особенно благоприятных обстоятельствах“. Действовать же против него

преимущественно огнем в пешем строю. Временно командующий войсками приказал вменить всем чинам отряда держаться в стороне от верблюжьих транспортов, в высшей степени ласково обращаться с верблюдовожатыми, отнюдь не позволяя себе насмешек и побоев, под личной ответственностью начальника отряда».

В это время наши запасы стягивались в укрепление Дуз-Олум, находившееся от Чикишляра в 140 верстах. От Чикишляра до Яглы-Олума было около 60 верст.

Того же дня вечером сажусь на свою вороненькую лошадку, что купил себе во Владикавказе, навьючиваю вещи на двух верблюдов и в сопровождении сотни казаков еду по безводной, песчаной пустыне в Яглы-Олум. Местечко это находится на берегу узенькой, сажени 2 или 3 шириной, речки Атрека². Эта речка течет в высоких обрывистых берегах, поросших мелким кустарником саксаула, единственного растения, встречающегося по всему оазису. Укрепление Яглы-Олум стоит на небольшой площадке, обрытой валом, где помещалось десятка два войлочных палаток, или, как здесь называется, юламеек, в которых был расположен гарнизон.

---

² Надо прибавить, что до настоящей экспедиции река Атрек была мало исследована, и Скобелева уверили, что по Атреку могут ходить маленькие паровые катера, а это было весьма важно ввиду затруднительной перевозки грузов. В распоряжение начальника экспедиции было назначено несколько паровых катеров, команда матросов, при двух офицерах, и 4 картечницы. Но Атрек оказался настолько ничтожным и мелким, что катера пришлось тащить несколько десятков верст на руках, а потом обратно тащить тем же путем к Чикишляру; команду же с картечницами двинули вперед. Она горячо действовала при штурме Геок-Тепе.

Тут же поблизости стояли юламейки: телеграфная, госпитальная и ротных командиров.

Я поместился довольно удобно в просторной юламейке. Транспорты проходили как раз мимо меня. Нагруженные верблюды бесконечными вереницами тащились, вытянув шеи и пережевывая жвачку. Они привязаны один к другому за коротенькие веревочки, один конец которых продернут в переносье, другой же привязан к хвосту предыдущего животного. Длинные ноги их неслышно ступали мягкими подошвами по песчаной дороге. Маленькие уродливые головы, с коротенькими оттопыренными ушами, качались на дугообразных шеях. Вожаки туркмены, в порыжелых халатах и в высоких мохнатых шапках, мерно шагали, держа поводки в руках; некоторые же, взобравшись на горбатые спины верблюдов и покачиваясь как маятники, попевали себе заунывные бесконечные песенки, понятные только туземцам. Шаг за шагом проходили усталые верблюды, подымая за собой облака пыли.

– И песок-то здесь от жары сделался какой-то рыжий и верблюды рыжие, и халаты на вожаках рыжие. Солнце все здесь подогнало под один цвет! – думал я, глядя на транспорты.

* * *

20-го мая получаю из Чикишляра от начальника штаба

Гудимы-Левковича телеграмму. Он пишет: «Ввиду слухов о направлении неприятельской шайки из Текинского оазиса на Даш-Верды, вам следует усилить осторожность и бдительность». Я посылаю разезды по несколько раз в день, сам езжу, но ничего не могу выследить. Через 2 или 3 дня получаю новую телеграмму от полковника Гродекова, в которой говорилось: «Не забывайте Даш-Верды». Затем вскоре получаю еще телеграмму от начальника штаба. Он писал: «Только что получено известие, что около колодцев Даш-Верды появилась шайка текинцев, под начальством самого Тыкма-Сердаря³, численностью в 500 человек. Усильте разезды и охраняйте транспорты». Я употребляю все силы, но неприятеля не могу заметить.

К северо-западу от Яглы-Олума, верстах в семидесяти, находятся колодцы Даш-Верды, и так как время стояло жаркое, поэтому если шайки где и были, то, конечно, около этих колодцев. Очень захотелось мне узнать и известить генерала, были ли там действительно шайки или нет. Кроме того, меня сильно заинтересовали рассказы одного из моих джигитов, состоявших при мне, о старинных развалинах города Даш-Верды, которые находились как раз у колодцев. Я решил туда съездить.

Накануне приказываю изготовиться взводу казаков при офицере, и с утра, еще до восхода солнца, запасшись баклагами с водой, направляемся к колодцам. Казаки мои несколь-

---

³ Главный предводитель текинцев.

ко раз ездили с джигитами в эту сторону, поэтому знали путь. Кругом местность совершенно ровная. Куда ни взглянешь – везде дорога, везде песок. Кое-где, изредка, торчит побуревший от солнца кустик саксаула. Иногда, вследствие миража, такие кустики кажутся нам деревьями, а где таких кустов много, то тенистыми густыми садами. Легкие джераны тоже виднелись кое-где вдали, но, по мере нашего приближения, они подымали мордочки, настораживали уши и, как птицы, летели по степи, мелькая своими белыми брюшками. Впоследствии я очень много видел джеранов; в особенности можно было хорошо подглядеть целые стада их, когда они утром и вечером направлялись к Ат-реку на водопой. Ростом и складом джеран похож на нашу козочку, шерсть у него коротенькая, спина и ножки рыженькие, брюшко же, как я уже сказал, беленькое. Случалось, джигиты, сопровождавшие меня в моих поездках, на прекрасных туркменских конях, завидя джеранов, пробовали гоняться за ними. Но где же! Хоть туркменский конь и быстро скачет, а джеран от него точно клубочек катится, точно его ветром относит, дальше и дальше, и наконец теряется из виду в безграничной безводной степи.

Около полудня мы немного отдохнули и затем поехали дальше тем же скорым шагом. Вода у нас уже вся вышла. Часов в пять вечера мы поднялись на небольшой холмик и отсюда увидали колодцы. Местность дальше шла столь замечательно ровная, что я нарочно слезаю с лошади, прикладываю

голову к земле и старательно гляжу кругом, не увижу ли хотя бы малейшей шероховатости. Ничто не мешает глазу: на много верст вперед ни камешка, ни кустика, нигде никакой травинки. Точно громадное гумно или ток, мастерски вымазанный глиной и посыпанный мельчайшим белым песочком. Я никак не подозревал, что на земном шаре могли быть такие обширные ровные пространства. Никакой Царицын луг, никакой плац не могут сравняться по гладкости с здешним природным плацом. Почва же настоль твердая, что за нами и следов не оставалось.

Мы подъезжаем ближе к колодцам и в недоумении останавливаемся: у колодцев, видим, стоит несколько больших партий конных текинцев. Все они на конях, в черных мохнатых шапках, в халатах; у некоторых значки в руках. Я протираю хорошенько стекла бинокля, смотрю еще раз, – нет, не ошибся, в самом деле текинцы. Несколько военачальников скачут вдоль фронта, останавливаются, что-то машут значками и, по-видимому, готовятся напасть на нас.

Выезжая из Яглы-Олума, я никак не надеялся столкнуться с неприятелем, так как их следов казаки нигде в окрестностях не встречали. Поехал я просто потому, что соскучился сидеть на месте, да к тому же захотелось хвастнуть перед генералом, что, вот-де, съездил со взводом в Даш-Верды. Да и на развалины-то мне захотелось взглянуть. Теперь же, когда я увидел перед собою такую массу неприятеля, мне стало страшновато. Ну что, думаю, если текинцы на нас бросят-

ся, – изрубят! Если даже и не изрубят, а захватят кого-нибудь в плен, то это, кажется, будет еще хуже. Что я тогда отвечу Скобелеву? Зачем, скажет, поехали вы так далеко? Я, уже и без того потный, при этих страшных мыслях потею еще более.

– Стой, командую казакам. Слезай, к бою готовься!

– Все равно, думаю, воды у нас нет, назад ехать 60 верст невозможно. Мы должны пробиться к колодцам во что бы ни стало.

Тихонько ведя лошадей в поводу, подвигаемся все ближе и ближе. Казаки уже вынули винтовки из чехлов и зарядили. Вдруг один из них кричит мне:

– Ваше высокоблагородие, чей же это казак на горе стоит?

– Где на горе? – спрашиваю его.

– А вон, что возле колодцев, – и тычет плетью.

Смотрю, действительно, на вершинке небольшой горы, саженой сто вправо от колодцев, стоит наш казак, с ружьем за плечами, и, очевидно, смотрит в нашу сторону. Что же это значит? – думаю. Смотрю еще раз, и оказывается, что все это был – мираж! Толпы текинцев стали рассеиваться как туман, и через несколько минут пропали. Возле колодцев, видим, стоит такое же крепление, как и в Яглы-Олуме. В нем разместились рота солдат, только что прибывшая из Чикишляра. Военачальники, скакавшие кругом, были не кто другой, как джигиты, находившиеся при роте. Они в свою очередь приняли нас за текинцев и такую подняли тревогу, что ко-

мандир роты, капитан Подвысоцкий, сказывал мне потом, что он чуть-чуть было не приказал открыть по нам огонь.

Напившись чаю у гостеприимного капитана Подвысоцкого, я предложил ему съездить со мной взглянуть на развалины. Запрягли ротную телегу тройкой, и в сопровождении четырех джигитов мы поехали. Развалины находились верстах в четырех к западу от колодцев. Они представляли четверугольник версты полторы длины, с версту ширины, окопанный широким безводным рвом. В старину по этому рву, вероятно, откуда-нибудь протекала вода. Внутренность четверугольника сплошь покрыта кирпичными развалинами. Кирпич, как я заметил, маленький, тоненький и очень-крепкий. Посреди развалин возвышается как бы триумфальная арка, украшенная разноцветною глазурью. Снизу она пообвалилась, но верх остался цел, и синяя превосходная глазурь, с золочеными узорами, еще до сих пор ярко блестит на солнце, точно сейчас наклепленная. Замечательно, как в старину красиво и прочно работали! Не у кого мне было хорошенько расспросить, когда и кем город Даш-Верды был построен, долго ли он существовал и что за причина его разрушения. Некоторые остатки зданий есть здесь очень большие. Все они поросли травой. Изобилие зелени доказывало, что где-то поблизости должна находиться вода.

Долго ходил я по развалинам, рассматривал кирпичики, изразцы. Мой спутник несколько раз окликал меня, предлагая ехать, но мне все не хотелось оставить это место, когда-то

полное жизни, а в настоящее время обреченное окончательно сгладиться вместе с окружающей местностью и не напоминать более никому о своем прошедшем.

Итак, в Даш-Верды неприятеля не оказалось. А между тем следы его нашлись в двух верстах от Яглы-Олума.

Во время одного разъезда спускаюсь я в широкий ров и нахожу совершенно свежий конский помет и, местами, рассыпанный ячмень. Потолковав с казаками, прихожу к тому убеждению, что еще сегодня ночью здесь ночевала партия текинцев. «Нехудо было бы прислать сюда на ночь секрет человек в двенадцать, и чтобы он, подпустив шайку поближе, хорошенько грянул в нее залпом». Рассуждая таким образом, я уже заранее представляю себе, с какой радостью пошлю донесение Скобелеву, что мой секрет положил на месте десять тел. Задумано – сделано. В тот же вечер отправляю секрет, но – безуспешно. Целую ночь солдаты прокараулили, не смыкая глаз, текинцы не показывались. Сообщаю об этом начальнику штаба, – но какой же вышел из этого результат? 25-го мая командующий войсками, со всем штабом, проезжал мимо меня в Дуз-Олум. Я, конечно, выезжаю к нему навстречу. Скобелев очень любезно здоровается и в то же время полусердитым тоном говорит мне: Видно, батенька, что вы в Азии не бывали и азиатов не знаете! Как же возможно высылать здесь секреты за несколько верст? Вот если бы с ним случилось какое-либо несчастье, так я бы вас первого под суд и отдал, в пример прочим. И дружески улыбнувшись,

он останавливает коня около приготовленной палатки, слезает и идет отдохнуть.

Глава III

В Бами

Через неделю я получаю предписание сдать яглы-олумский отряд старшему ротному командиру, а самому явиться в распоряжение временно командующего войсками, который находился в это время в местечке Хаджам-кала, верстах в 75-ти за Дуз-Олумом. С первым же попутным транспортом отправляюсь. Проезжая Дуз-Олум, вижу: через площадь едет навстречу офицер Генерального штаба с двумя казаками. Всматриваюсь, узнаю полковника Гудиму-Левковича. Я очень обрадовался ему и кричу:

– Здравствуйте, полковник, куда вы едете?

– Обрато в Россию, уже я больше не начальник штаба, – отвечает он, здороваясь со мной. – Смотрю, лицо полковника бледное, вид усталый, болезненный, глаза впали.

– Что же с вами, почему вы едете назад, кто же заступил на ваше место? – спрашиваю его.

– У вас теперь Гродеков начальником штаба, а я еду к себе в Петербург, я нездоров, – и, побеседовав со мной еще немного, Гудима-Левкович, грустный, прощается, и мы расстаемся.

10-го июня, рано утром, отряд выступил к местечку Ба-ми на Коджинский перевал. Помню, было за полдень, когда мы переехали через горы. Погода страшно жаркая. Вдали, сквозь раскаленный дрожащий воздух, виднеются, точно в тумане, глиняные башенки и «калы»: так называются здесь загоны для скота, обнесенные высокими глиняными стенами.

Скобелев едет на серой красивой кобыле, очень скорым шагом, я еду немножечко позади его.

– Что, батенька, жарко? – говорит он мне. – А ведь вот представь я кого к награде, – сейчас скажут: за что? За какие дела? А разве эти жары не стоят сражения?

По приезде в Вами сюда стали стягиваться массы провианта и артиллерийских грузов; посреди лагеря образовались, точно горы, высокие бунты, накрытые брезентами. Вами был последним опорным пунктом, где Скобелев решил сосредоточить наибольшее количество запасов, и уже отсюда, собрав все силы, окончательно двинуться для завоевания оазиса Ахал-Текэ.

Местечко Вами было важно для Скобелева в том отношении, что здесь соединялись два пути. Один, шедший от Михайловского залива, по которому предполагалось строить железную дорогу и двигались верблюжьи транспорты с продовольствием. Другой путь – Чикишлярский, по нему передвигались запасы, заготовленные на опорных пунктах еще за время прежних экспедиций. Чтобы с Чикишлярского пути попасть в Вами, нужно было перевалить через Копет-Дагские горы Бендесенским перевалом в четырех верстах от Вами.

В Вами мы расположились довольно удобно. Лагерь раскинулся по обе стороны ручья. Палатка командующего войсками была поставлена под тенью двух деревьев. Возле нее выкопали пруд, наполнили из ручья проточной водой и покрыли шалашом, так что генерал мог купаться во всякое время. Кроме этого пруда, среди лагеря были выкопаны еще два, один для офицеров, другой – для солдат.

20-го июня, рано утром, выхожу из палатки, чтобы идти купаться, смотрю, доктор Студитский, состоящий при Скобелеве, собирается куда-то ехать верхом. Поблизости стоит, выровнявшись, конвой из 12-ти казаков. Доктор был еще молодой человек, очень симпатичный. Я был с ним в хороших отношениях. Он еще накануне целый вечер сидел у меня,

рассказывал про свое житье-бытье в Москве, показывал карточку жены: он только что перед кампанией женился.

– Куда вы, доктор? – спрашиваю я, подходя к нему.

– Да вот, в Бендесены еду, там надо освидетельствовать труп казака, которого вчера текинцы убили. И затем добавил шепотом, под секретом: – Генерал думает, уж не наши ли джигиты его изменнически убили. Так вот, надо откопать и постараться найти пулю. – Мы простились, доктор уехал.

На другой день утром опять иду купаться. Смотрю: генерал вышел из своей палатки с какой-то бумагой в руках, весь красный от слез. Завидя меня, он подзывает к себе и с грустью крикливо говорит:

– А вы знаете, что Студитского убили! А!.. Каковы подлецы текинцы! Целая шайка напала, – рассказывает он захлебывающимся от слез голосом. – Затем добавляет: – Я все-таки очень доволен, что при нем был конвой из 12-ти человек, это снимает с меня нравственную ответственность. Ну что делать, на войне несчастье со всяким может случиться. Казаки целый день отбивались, человек 20 текинцев убили. Ну разве это не герои, ну как же им не дать Георгиевских крестов? – И Скобелев начал раздражительно ходить возле палатки и слезливо сморкаться в раздушенный носовой платок.

В тот же день мне привелось видеть то место, где был убит Студитский. Случилось это так. Через час после разговора со Скобелевым меня опять требуют к нему. Отправляюсь. Ге-

нерал сидел в палатке за маленьким столиком и чертил что-то карандашом на листе бумаги.

– Вы, батенька, отправитесь сегодня же с ротой пехоты, одним орудием и с полусотней казаков в Бендесены для встречи транспорта, который идет из Хаджам-кала. Транспорт большой, с лишком две тысячи верблюдов. Я боюсь, чтобы на него не напали текинцы. Ведет его войсковой старшина Дьяков. Он, как старший, примет начальство над отрядом. Главное, обратите внимание в Бендесенах на командующие высоты. – И при этих словах генерал берет со стола разноцветные карандаши и быстро набрасывает мне позицию Бендесен. Объясняет до мельчайших подробностей, как держаться против неприятеля, в каком строю, как сопровождать транспорт, отнюдь не растягиваться и т. д. Затем генерал приказывает мне получить от Гродекова предписание и отправиться.

Бендесенский перевал – опасное место. Сотни скалистых горных вершин и гребней тянутся по сторонам дороги узким ущельем. Между ними выются бесчисленные, едва-едва заметные тропинки, известные одним текинцам. Скалы изредка покрыты тощими, чахлыми деревьями, наподобие нашего можжевельника. Впоследствии я слышал от нашей охотничьей команды, которая здесь разгуливала для обеспечения пути, что в глуши ущелий есть большие лесные рощи, но сам я их не видал.

Был вечер. Когда мы подошли к Бендесенской долине, она

была с версту ширины и покрыта густой зеленой травой. За долиной тянулись отроги тех же самых Капет-Дагских гор.

При выходе из ущелья я заметил влево от дороги, на откосе горы, маленькую пещеру. К ней вилась узенькая тропинка. Подъехав ближе, я увидел в скале неглубокую впадину, прикрытую с наружной стороны глиняной стенкой, в которой были устроены бойницы для ружей. Чтобы войти в пещеру, нужно было слезть с лошади. Дно ее было покрыто свежим конским пометом и ячменем. Здесь, очевидно, еще недавно были хищники. Не из этого ли, думаю, гнезда был убит казак? Бойницы из стенки глядели как раз на то место дороги, где его подстрелили.

Близ ущелья мы увидели транспорт, расположившийся на отдых. Войсковой старшина Дьяков с офицерами сидели в палатке и пили чай. Я представился им, выпил чашку чаю и затем спросил: не может ли кто указать мне место, где убит Студитский. Несколько офицеров предложили свои услуги, и мы пошли смотреть. Место стычки было как раз напротив того места, где остановился транспорт, саженой за сто.

– Вот, ваше благородие, здесь дохтура убили, вот и кровь их, тут они и упали, – объясняет мне низенький молоденький казак, с рыжими усиками, который, узнав, зачем мы шли, побежал вперед и, поднявшись саженой двадцать по крутой горе, остановился около двух больших камней.

– Ты почему знаешь, разве ты был с доктором? – спрашиваю я.

– Так точно, – отвечает казак. – Они, ваше высокоблагородие, ничего, – остались бы живы, потому здесь, за камнями, текинцам с нами ничего не поделаться, – да браниться стали нехорошими словами, кричать: – Валяй их, таких-сяких! – и захотелось им из-за своего камня, где со мной сидели, вылезть и перебраться вот за этот большой, где наши остальные сидели. Только приподнялись, как их тут наповал и убило. Только они и успели крикнуть: – Братцы, жене моей кланяйтесь! – за бок схватились и упали. – У них, говорят, жёнка молодая осталась, – сумрачно добавил казак вполголоса, очевидно, недовольный Студитским, что тот бранился и тем, по его мнению, накликнул на себя беду.

Вершины камней, где скрывались наши, были покрыты бороздами от неприятельских пуль. Ясно было, что текинцы, близехонько засевшие, метили как раз в головы казаков, высовывавшихся при стрельбе. Но как ни отчаянно защищались казаки, они все-таки неминуемо погибли бы от утомления и недостатка воды, если бы в это время не подоспела на выручку рота солдат, возвращавшаяся из Вами в Хаджамкала. Текинцы как только завидели роту, моментально скрылись.

Еще рассказал мне казак, что один из его товарищей в ту минуту, как уже им пришлось очень плохо, осторожно спустился с горы, ведя лошадь в поводу, вскочил в седло и понёсся долиной в Хаджамкала – дать знать о случившемся. Пока текинцы опомнились от неожиданности, казак был уже

далеко. Они бросились в погоню, долго гнались за ним, но тот благополучно ускакал. Не желал бы я очутиться в таком положении: споткнись конь, потеряй одно мгновение, и пропал, пощады не жди.

Я кругом обошел место этой стычки. На гребне горы, у самого ската, на твердой желтоватой почве, усеянной мелкими камешками, лежал убитый текинец; из простреленной головы вытекло много крови, и она запеклась на земле темным пятном. Белая мохнатая папаха валялась поблизости. Казак толкнул труп ногой, и он медленно, точно нехотя, покатился под гору, размахивая окостеневшими растопыренными руками, то показывая свое смуглое бородатое лицо, то снова отворачиваясь.

Возвратившись назад, я пошел взглянуть на транспорт. Он уже располагался на ночлег, верблюдов развьючивали, вожаки-туркмены сидели около горящих костров и варили рис. Вскоре стемнело, и мы все улеглись отдохнуть.

В походе я не мог долго спать и просыпался вообще очень рано. Так и теперь. Не знаю, много ли прошло времени, проснулся, смотрю сквозь раскрывшиеся дверцы отсыревшей палатки: уже рассветает. Дьяков и другие офицеры еще спят. Я тихонько выхожу из палатки. Дьяков испуганно сдергивает со своей седой головы одеяло, которым было закрылся сглуха, быстро вскакивает и выходит за мной. Свежий утренний воздух так и пробивает наши легонькие бешметы.

– Пора подыматься, – говорит Дьяков вполголоса, чешет

затылок, зевает, затем подпирает руками свою коренастую полную фигуру в боки, точно, не приняв такой позы, он и приказания не мог отдавать, кричит своим хохлацким выговором:

– Горнист, горнист!

Невдалеке, из-за ружейных козел, приподымается солдат, спиной к нам; накинута шинель съехала набок. Он поправляет ее, надевает кепи, берет свой медный «струмент» и отправляется к палатке начальника транспорта.

– Играй по возам, – кричит Дьяков.

Горнист останавливается, сплевывает в сторону, прилаживает инструмент ко рту, и через несколько секунд далеко раздается в общей тишине продолжительная заунывная первая нота этого сигнала:

Ти-и-и-и-и... ти-та-ти и т. д.

Какое-то особенное впечатление производил на меня всегда в походе этот первый протяжный звук. Все спит, все покоится безмятежным сном, а горнист старается, наигрывает. Вот он кончил; продрогнув от холода, поддергивает плечами шинель и быстро скрывается за ружьями. Дьяков и я снова ложимся на свои места, и дожидаемся, что вот лагерь сейчас начнет подыматься. Но проходит, пожалуй, добрых полчаса, а нигде не слышно никакого движения. Нам самим тоже не хочется вставать и сладко дремлется! Но, наконец, Дьяков опять выскакивает из палатки и снова кричит:

– Горнист, горнист!

– Чего изволите, ваше скородие?

– Что же ты, играл? – спрашивает начальник, хотя сам ясно слышал, как тот играл.

– Играл!

– Так худо играл, играй еще.

И начальник транспорта возвращается назад в палатку.

Через минуту опять раздается:

Ти-и-и-и... ти-та-ти и т. д.

Через полчаса мы сидим с Дьяковым, поджав ноги по-турецки, и пьем чай; к нам собираются остальные офицеры и подсаживаются согреться чайком. Солнечные лучи уже падают на долину и скоро доберутся и до нас. Кругом раздается оглушительный рев верблюдов: их навьючивают. Животные лежат, подогнув под себя ноги и как бы желая показать, что им не нравится навьючивание, жалобно поворачивают уродливые головы то в ту, то в другую сторону и отчаянно ревут.

– Горнист, играй наступление! – снова кричит Дьяков.

Он уже верхом на толстой и такой же, должно быть, старой лошади, как он и сам, объезжает транспорт в сопровождении нескольких казаков и горниста. Навьюченные верблюды поднялись на ноги и, скопившись в одно огромное стадо, кто куда мордой, смиренно стоят и пережевывают жвачку. Некоторые же из них лежат без выюков, и как их вожаки ни тычут в бока, они не поднимаются, а только жалобно ревут. Эти верблюды ослабели и больше уж не служаки: они пролежат еще несколько дней, не сходя с места, и так и издохнут.

Вожаки-туркмены, собравшись в кучки, сидят на корточках и жадно курят из деревянных кальянов самого примитивного устройства. Прижав отверстие кальяна к своему усатому рту, туркмен с таким азартом и с такой силой втягивает в себя дым, что только можно удивляться крепости его легких. Раздается сигнал наступления:

Та-тй та-та

Та-тй та-та

Та-тй та-тй...

Я посылаю часть моих казаков в авангард, других – в боковые разъезды, сам же остаюсь с Дьяковым, пока вытянется весь транспорт. Пехота еще не вся выстроилась и торопится стать в шеренгу. Орудие со звоном трогается, гремя колесами. Вожаки в черных мохнатых шапках и коричневых халатах, один за другим, неслышно ступают своими крючковатыми сапогами, держа в руках поводки верблюдов. Много, много верблюдов! Где тут справиться одной роте, если неприятель вздумает напасть, рассуждаю я, глядя на эту бесконечную линию транспорта. Головные верблюды должны были подходить к самому перевалу, когда арьергардная полурота, всего человек тридцать, поплелась за транспортом.

Глава IV

6-го июля. В первый раз под Геок-Тепе

Ахал-текинский оазис тянется от северо-запада к юго-востоку узкой длинной полосой, слишком на двести верст, если считать от Кизил-Арвата до Асхабада. Ширина его изменяется от 5 до 10-ти верст. Аулы раскинуты на нем, смотря по тому, где есть вода. Где только с гор течет ручеек через оазис, тут, смотришь, где-нибудь непременно белеет маленькое поле пшеницы и темнеют кучки фруктовых деревьев; между деревьями возвышаются серые глиняные калы с башенками, соединяющимися между собой целой сетью различных глиняных стенок и валиков. Стенки вышиной где в аршин, где в два, а где и выше сажени. Сначала мне казалось странным, как мог здесь расти хлеб, при этой жаре и засухе; но затем я узнал, что жители окапывают свои маленькие поля валиком и, образовав из поля как бы сосуд, отводят в него из ручья воду. Вода долго стоит, напитывает почву и когда начинает высыхать, то в сырую землю бросают семена, и урожаи бывают удивительно хороши. И чем дальше мы подвигались на юг, тем сильнее я убеждался, что недаром эта узкая полоса земли называется оазисом.

1-го июля, на закате солнца, возле баминского лагеря вы-

строился наш небольшой отряд, состоящий из взвода сапер, 3-х рот пехоты, 4-х сотен казаков, 4-х девятифунтовых даль-
нобойных орудий, 4-х картечных, конно-горного взвода и ра-
кетной команды, всего около 800 человек. Отряд направля-
ется, под личным начальством Скобелева, к стороне Геок-
Тепе, чтобы осмотреть местность и, если возможно, пожечь
хлеб на корню, захватить скот и вообще как можно более на-
нести неприятелю вреда. Главное же – нагнать на него страх,
так как неприятель, по выражению Скобелева, стал «дерзок»
и, по слухам, сам сбирался напасть на нас.

Мы выступили поздно вечером. Всю ночь шли скорым
шагом, и на рассвете, не доходя верст десять до аула Арч-
мана, наш авангард, состоявший из казаков и джигитов, за-
метил неприятеля и погнался за ним. Генерал, в сереньком
летнем пальто в рукава, окруженный офицерами и конвоем
осетин, пускается за авангардом резвой иноходью на своем
белом жеребце, Шейнове⁴. Моя лошадь хотя и шибко могла
идти рысью, но теперь беспрестанно сбивается вскачь. Ту-
ча пыли подымается за нами. Уже мы с полчаса едем так
быстро. Разговоров не слышно, только звон подков о сухую
глинистую почву да фырканье вспотевших лошадей наруша-
ют тишину. Чем дальше мы скачем, тем шибче и шибче.
Ни ровики, ни глиняные валики не удерживают нас. Я, кое-
как пробившись между офицерами, с магазинным ружьем за

---

⁴ На этой лошади Скобелев был еще в Турции во время Шейновского сражения, почему она и получила свое имя.

плечами, стараюсь не отстать от Скобелева. А генерал все подшпоривает да подшпоривает своего коня, который, весь темный от поту и пыли, приложил уши и так быстро переваливается с боку на бок и перебирает ногами, что едва можно заметить. Генерал откинул немного худощавое туловище и, слегка покачиваясь, точно в люльке, серьезный и, как всегда в такие минуты, поджал немного губы.

Впереди слышатся редкие ружейные выстрелы. И вот, сквозь рассеявшиеся облака пыли, мы видим разбросанные глиняные постройки и среди них маленький зеленый сад. Это аул Арчман. За ним, на горизонте, между клубами пыли, можно было различить нескольких всадников, спасавшихся в карьер. Аул пустой. Генерал сдерживает коня и шагом направляется к саду. Расскававшийся, было, конвой и офицеры стягиваются понемногу. Я еду позади генерала. В эту минуту, размахивая локтями, подскакивает к нам джигит-туркмен, в грязном замасленном халате, торжественно подняв над головой какой-то мешок; развязывает его и с сияющим лицом вытаскивает отрубленную голову текинца. Генерал с отвращением отворачивается и кричит ехавшему рядом со мной поручику Ушакову: «Дайте джигиту 3 рубля!» Ушаков немедленно достает из сумки 3 серебряных рубля и отдает их туркмену. Тот как ни в чем не бывало берет деньги, прячет свои трофеи обратно в мешок и, совершенно счастливый, скачет прочь.

Отряд располагается в Арчмане на дневку. Настает пол-

день, а с ним и жара. На солнце, наверное, больше 50-ти градусов. Мы все обливаемся потом. Так как, для легкости, ни офицерам, ни солдатам не велено было брать палаток, поэтому всякий, конечно, стремился усесться в тени. Я же успел-таки захватить из Вами одно полотнище от своей палатки и теперь натянул его на палку, снял черкеску, подложил ее под голову и преспокойно улегся. Немного погодя беру бинокль и начинаю осматривать горы Капет-Даг, что тянутся вдоль оазиса в версте от нас. Вон на одной плоской вершинке сидят две человеческие фигуры и спокойно смотрят на нас.

– Ведь это текинцы! Но что же делать – не гнаться же за ними в горы?

Пока так рассматриваю, вдруг слышу над собой знакомый голос:

– Скажи, пожалуйста, какой хитрый, у него и тень есть! – Смотрю, Скобелев подбегает ко мне, без кителя, с маленькой подушечкой под мышкой, сгоняет меня с места и с удовольствием растягивается. Генерал сначала было улегся под деревом в тени, но через некоторое время тень ушла, и солнце стало допекать его. Я, очень довольный, иду к товарищам под дерево и располагаюсь рядом с ними.

Здесь мы пробыли целый день. Дали отдохнуть пехоте, артиллерии. Ночевали, а с утра тронулись дальше.

Уже не помню, какой аул проезжал я, вижу, несколько казаков показываются из-за глиняной стенки сада: они едят виноград. Я беру у одного из них кисточку, пробую, – виноград

ничего себе, только кисловат немного. Посылаю своего казака нарвать, а сам остаюсь на дороге и дожидаясь. Авангард весь впереди, мы остались одни. Я с беспокойством посматриваю по сторонам, слышу, кто-то едет шибкой рысью. Оглядываюсь – казак. Позади его на седле кто-то сидел скорчившись, в одной рубахе, голова бритая, лицо кофейного цвета и, обхватив казака руками, жалобно стонал.

– Это кого тащишь? – спрашиваю я.

– Персиянина, ваше высокоблагородие, пленный у текинцев был. Он скованный, бежать не может; я, вон, еду мимо той сакли, а он и стонет. И проговорив это, казак галопом пускается догонять своих. Только отъехал несколько шагов, как персиянин сваливается с лошади и еще жалобнее начинает стонать. Я подъезжаю к нему и вижу, что ноги его, повыше ступней, скованы толстыми кандалами, пальца в два шириной. Кольца соединялись толстой железной неподвижной перекладиной. При таких кандалах человек мог делать только очень маленькие шаги. Кожа у персиянина на ногах была содрана, и из ран сочилась кровь. Я помог ему снова взобраться на седло, и казак поскакал дальше.

В тот же день мы приехали в аул Дурун. Подъезжая к аулу, генерал приказывает казакам и джигитам все жечь и истреблять. Не прошло пяти минут, как весь аул запылал одновременно в различных местах. Казаки, точно духи, носились по аулу, подкладывали огни, раздували, разжигали и быстро скакали дальше. То же самое произошло с полями пшеницы.

Вскоре от большого селения ничего не осталось, кроме груды пепла и угольев.

Хотя в отряде и говорили, что мы едем только на рекогносцировку, и не предполагали, чтобы можно было с такими ничтожными силами двинуться к Геок-Тепе, но всякий, кто знал характер Скобелева, кто побывал с ним в сражениях, мог заранее предсказать, что он не ограничится одной мирной поездкой, и непременно пожелает столкнуться с неприятелем или, как любил выражаться Михаил Дмитриевич, «вызвать огонь». Неприятель же все отступал и отступал, покидая аулы. Мы подвигались все ближе и ближе к Геок-Тепе.

Скобелев, как и следовало ожидать, решился столкнуться с неприятелем. В это время мы находились от Вами в 110-ти верстах.

* * *

Утро 5-го июля. Погода все такая же жаркая. Солнце обливает нас палящими лучами и так сильно светит, что глазам больно. Раскаленный воздух дрожит и переливается. Мы поднимаемся на бугорок. Перед нами стелется открытая долина. Внизу, верстах в четырех, виднеется кала Ягинь-Батырь. Вокруг нее темнеют густые, тенистые сады, пересекаемые множеством глиняных стенок. Генерал останавливается, слезает с лошади и смотрит в бинокль.

Отряд тем временем подтягивается. Он, было, немного растянулся, а дальше надо идти густой колонной: неприятель близок. До Ягинь-Батырь-калы версты четыре, а там всего двенадцать верст и само Геок-Тепе, где скопилось все население оазиса, по слухам, тысяч сорок текинцев. Есть над чем Скобелеву призадуматься: двигаться ли дальше, или нет? У нас всего 3 роты пехоты да 3 сотни казаков. Правда, есть и пушки, но не надо забывать, что восемь месяцев тому назад наших три тысячи человек с двадцатью пушками пытались штурмовать Геок-Тепе, да и то их со срамом прогнали, причем наши потеряли много убитыми и ранеными. И вдруг, после такого поражения, явиться под теми же стенами, с такою горстью солдат, перед врагом уже самоуверенным и гордым победой? Не наглость ли это? Не дерзкая ли насмешка над неприятелем!

Генерал все продолжает смотреть на долину. Я тоже беру бинокль и смотрю. За Ягинь-Батырь-калой долина постепенно возвышается и образует продолговатый гребень. Так вот за этим-то гребнем, в одном месте, на горизонте, едва-едва очерчивается вершина темного кургана. Курган этот находится в самой крепости Геок-Тепе или, как ее текинцы называют, Денгиль-Тепе.

Неприятеля пока не видно. Кругом все тихо и мертво. Офицеры столпились позади генерала и тихонько разговаривают, а один из них, поручик Кауфман, достал откуда-то желтое противное насекомое, наподобие огромного муравья,

насадил на палочку и несет показывать генералу. Что генерал ответил Кауфману, я не слышал, так как не тем был занят; знаю только, что это за насекомое: это фаланга, я их много видал в Яглы-Олуме. Укушение ее иногда бывает смертельно, а в большинстве случаев заканчивается тем, что укушенное место сильно опухает и болит месяца два.

Через час мы трогаемся дальше. Тут, помню, случилось следующее. Как только мы двинулись с холма и уже порядочно отошли, смотрим, наш военный топограф Сафонов, оставшись на холмике, продолжал снимать на план местность; позади стоял казак и держал в поводу лошадь. Генерал, увидев это, очень рассердился и кричит: «Что за беспорядок, пошлите ему сказать, что здесь не Россия, здесь шагу нельзя отставать от отряда!»

Подъезжаем к Ягинь-Батырь-кале. Она оказывается пустая. Отряд занимает ее и располагается в садах.

Я поскорей отдаю свою лошадь казаку, снимаю с себя все, что было лишнего, ружье, черкеску, шашку, беру бинокль и бегом направляюсь к передней глиняной стенке, взбираюсь на нее и с жадностью смотрю вперед. Отсюда, на горизонте, уже гораздо отчетливее виднеется серая вершина кургана. Долина вся покрыта редким, выгоревшим от солнца, буроватым саксаулом. Вправо, верстах в двух, тянутся все те же горы Капет-Даг; влево – все те же бесконечные, рыжеватые пески.

В это время, вблизи меня, образуется порядочная толпа

офицеров, солдат и казаков. Все они подошли к стенке, чтобы посмотреть, не видно ли текинцев.

– Воо-о-он текинцы! – восклицаю я, продолжая глядеть в бинокль. – Вон еще, еще, ой-ой, сколько их оттуда выползает.

– А левее-то, майор, видите, сколько их показывается за той калой, – говорит мне басистым голосом красивый, молодцеватый капитан Полковников, с большими усами, в белом кителе, с шашкой через плечо. Он взобрался рядом со мной на стенку и тоже смотрит в бинокль.

Из-за гребня холма, точно муравьи, начинают появляться текинцы, все конные. Они длинными, темными вереницами спускаются немного в нашу сторону, останавливаются верстах в пяти, слезают с лошадей и собираются в кучи, рассуждать, вероятно, о нашей смелости. Вот двое, похрабрее, подбираются к нам очень близко и останавливаются. Я впиваюсь в них глазами. Тот, что поближе, сидит на превосходной буланой лошади. Черная борода его вокруг смуглого лица ярко оттеняется высокой мохнатой белой папашой; халат светло-коричневый, через плечо шашка, за спиной ружье с рогатками. Он внимательным, гордым взглядом осматривает лагерь. Но вот из передовой цепи кто-то выстрелил в них. Оба текинца, точно ужаленные, бросаются в стороны, затем останавливаются, еще раз пристально смотрят на лагерь и широким, растяжным галопом направляются к своим, размахивая локтями, как крыльями, точь-в-точь как наши мужики.

По мере того, как текинцы выползают из своего гнезда, позади меня раздаются восклицания:

– Эх их сколько валит, братец ты мой! Сила, да и только! Ровно муравьи, кишмя кишат!

– А на кургане-то видишь? – говорит казачий урядник своему товарищу.

– Где на кургане?

– Да вон, что возле гор, вон, направо-то. – И указывает плетью.

Я тоже смотрю по указанному направлению и вижу невысокий курганчик. Его плоская вершина вся покрыта пешими и конными текинцами.

– И где нам тут с ними справиться!.. – слышатся возгласы. Много ли нас, всего ничего, а их, вишь, сила какая! Тышчи (тысячи)!

В это время проходят мимо меня два молоденьких офицера, один высокий, хорошенький брюнет, другой низенький, некрасивый, с толстыми губами, в очках. Они толкуют между собой:

– Три роты, разве этого довольно?.. Что три роты!.. Казаков текинцы не боятся. Только отстань они от пехоты, так их сейчас и изрубят!

– Да, конечно, – поддакивает другой, только на орудия да на пехоту и надежда.

Кучка пехотинцев в белых рубахах, подпоясанных ремешками, стоит в сторонке и тоже рассуждает. Один из них зе-

вает, крестится и вполголоса смиренно говорит:

– Помоги, Господи, нашему генералу уйти отсюда по добру по здорову. Эх их какая сила, все валит да валит, и конца нет!

Другой солдатик, низенький, черненький, усатый, приставил ладонь к козырьку, чтобы удобнее защищаться от солнца, смотрит на толпы неприятеля и, постояв немного, с недовольным видом уходит, ворча себе что-то под нос. Из его ворчанья я слышу только слова: – «Востры были и до него, да...»

Текинцы, видя, что с нашей стороны нет никакого движения, спокойно сидят и рассуждают. Стенка, где я стою, понемногу пустеет, публика расходится. Я тоже отправляюсь в сад и нахожу своих товарищей под деревом. Они все улеглись отдохнуть.

Неподалеку, под другим деревом, ходит Скобелев, без фуражки, китель расстегнут; Георгиевский крест на черном галстуке ярко выделяется. Делая жесты руками, он что-то диктует полковнику Гродекову. Тот старательно пишет, изредка поправляя очки; иногда же прерывает работу, снимает фуражку, прикладывает указательный палец к лысине и, нажимая им, заставляет скатываться пот на землю, после чего снова принимается за работу.

– Верещагин! – слышу голос генерала. – Я вскакиваю, наскоро натягиваю черкеску, надеваю шашку и бегу.

– Вам, конечно, известно, что мы завтра предпринимает

рекогносцировку Геок-Тепе. Вы же останетесь здесь, запретесь вон в той кале с командой и в случае нападения должны защищаться во что бы то ни стало. Я на вас полагаюсь. Не забудьте, что кала будет служить нам базой. Вот вам предписание. Ступайте, займитесь укреплением и расчисткой эспланады.

Я отправляюсь к себе под дерево и читаю предписание. Оказывается, что в мое распоряжение назначались полурота красноводского батальона, затем конюхи, денщинки, прислуга, больные и слабые, и так как у всех их были ружья, то всего набралось 70 винтовок. Глиняные стены калы, толщиной около аршина, представляли отличное прикрытие от пуль, но они были слишком высоки, аршина 4 или 5, поэтому пришлось устраивать подмости, с которых можно было бы стрелять через стены. Всю ночь с моей командой я возился и устраивался. Мы подтащили к стенам фургоны, нагородили на них тесины, балки, деревья, сделали разные приспособления; расчистили эспланаду саженей на 50, т. е. разломали ближайшие стенки, срубили деревья; так что неприятель уже не мог к нам подползти незамеченный. Ворота завалили чем попало и так спешили, что ко времени выступления отряда кала была вполне готова для встречи неприятеля. На один угол стены, к стороне песков, поставили картечницу, которой командовал гардемарин Майер. Воды запасли на целые сутки, и она стояла в ротных котлах посреди калы, прикрытая от солнца прокоптелыми грязными войлоками, которые

мы нашли в той же кале.

* * *

За работой ночь прошла незаметно. В четвертом часу утра я уже сижу на стенке, выходящей фронтом к горам, и смотрю, как наш отряд выступает из садов. Все, что могло стеснить его, оставлено в кале: все лишние выючные лошади, повозки и фургоны. Вообще, отряд был сформирован так, что мгновенно мог быть поворочен в любую сторону.

Отряд вытянулся сплошной колонной, и тихо, без шума, приближается к кургану, что находился верстах в трех от нас. Несколько десятков джигитов, с Нефес-Мергеном во главе, скачут впереди. Я всматриваюсь в бинокль и вижу, что за курганом, в тени, совершенно незаметно для отряда, притаилась большая партия текинцев. Я боюсь, что они неожиданно выскочат на наших и произведут переполох. Напрасное опасение: джигиты молодцы! Они совершенно, как ищейки, попали на след прижавшегося неприятеля и обнаружили его.

Необыкновенно стремительно выносятся текинцы из-за кургана. В них с шумом летит маленький, черненький ракетный снаряд, оставляя за собой в воздухе дугообразный белый хвост, за ним другая граната, третья, и неприятель поворачивает и скачет назад.

Как только тронулся наш отряд из Ягинь-Батырь-калы, с кургана Денгиль-Тепе раздается глухой, раскатистый пу-

шечный выстрел. С кургана поднимается, точно облако, белый клуб дыма. Выстрел этот – вестовой; он служит сигналом тревоги, за ним все защитники Геок-Тепе должны спешить навстречу врагу. И действительно, не прошло часу, как вся долина передо мной покрывается всадниками, да какими чудными, красивыми всадниками! Вот я на минутку оставляю отряд и смотрю влево к пескам, и там текинцы, смотрю вправо к горам – и там тоже текинцы. Ищу наш отряд, – где он, не могу найти, он потерялся, как челн в морских волнах! Во-о-от он, должно быть! И я вижу, как от одной темной кучки, окруженной рассеявшимися всадниками, мелькают во все стороны пушечные огни и поднимаются клубы дыма. Мне с вышины удивительно хорошо было наблюдать это зрелище. Никогда ни одно большое сражение в Турецкой кампании не производило на меня такого впечатления.

Воздух чист, прозрачен и настолько свеж, что дрожь пробегает по телу. Только что показавшееся из-за красноватых песков золотистое солнце резко очертило передо мной, на темно-синем небе, зубчатые вершины скалистых гор. Возле меня все тихо. Гарнизон, собравшись на передней стенке, с замиранием сердца смотрит и прислушивается. В нескольких верстах перед ним тысячи текинцев, тех самых, которые еще так недавно порубили сотни наших солдат, как бешеные, крутятся возле отряда, визжат, кричат, то собираются в кучи, то опять разлетаются. Они как бы заранее уверенные в легкой победе, видимо, очумели от радости: вот какая отличная

добыча идет им прямо в руки!

Здесь я должен прибавить, что до этого дня, из всех рассказов, слышанных мною о текинской коннице, об удивительной легкости и выносливости их лошадей, я составил представление, что это какая-то страшная, непобедимая сила. Недавнее поражение наших войск под Геок-Тепе сильно настроило воображение нашего отряда. Заметно было, что как солдаты, так и некоторые офицеры не особенно-то сочувствовали этой рекогносцировке и не ожидали благополучного исхода. Но Скобелев недаром послужил в Туркестане. Он хорошо изучил азиатов и был уверен, что крепко сплоченный отряд, хотя и небольшой, но руководимый опытным начальником, непобедим для текинцев. Они были слишком легки, неустойчивы, недостаточно дружны, чтобы, невзирая на ружейные залпы и пушечные выстрелы, могли броситься в атаку на пехоту и врубиться в нее. Кроме боязни лично за самих себя, текинцы чрезвычайно опасались потерять своих чудесных дорогих коней.

Вот с левой стороны отряда скапливается целая туча текинцев – больше, больше, больше, уже она готова броситься на отряд, готова совершенно задавить его. Сердце мое замирает, кровь застывает в жилах. – Отряд на минуту останавливается, орудия быстро поворачиваются, лошади отъезжают прочь, мелькают огни, клубы дыма вспыхивают, и я отчетливо вижу, как в прозрачном, утреннем, еще не нагретомся воздухе разрывается шрапнель. Но едва только мелькнул

огонек в первом орудии, едва только дым показался, а шрапнель еще и не думала разрываться, как вся атакующая масса с воем поворачивает назад и несется. Уже и шрапнель разорвалась в воздухе белым клубочком, и дымки от пуль перестали куриться на земле, и артиллеристы снова на передки взяли орудия, а текинцы все еще продолжают бешено скакать, с ужасом оглядываясь и ожидая над головами своими осколков снарядов.

Только что артиллеристы успели отбить эту толпу, как уже со стороны гор накапливается другая, еще грознее и темнее. Их ножи в зубах, шашки наголо так и сверкают на солнце. «Алла, алла!» – режут текинцы и вот-вот готовы ринуться и уничтожить горсть храбрецов.

Но огни снова мелькают, и снова в воздухе, над головами текинцев, появляются белые красивые клубочки от разорвавшейся шрапнели. Точно подхваченная ветром, летит назад текинская кавалерия, с той же быстротой, но не с тем же счастьем: несколько лошадей, потеряв седоков, мечутся в разные стороны, путаясь в длинных поводках. За ними бросаются одиночные текинцы, и не будучи в состоянии изловить, с криком размахивают руками и гонят лошадей прочь от отряда.

Я так увлекся этим зрелищем, что совершенно забыл о том, что нахожусь не в театре и смотрю не на панораму, а не действительное поле сражения; и только раздавшийся за моей спиной крик гардемарина Майера: «Господин майор,

вон там тоже, кажется, текинцы», – заставил меня оглянуться. Я спускаюсь с подмостков, перебегаю на другую сторону калы, где стояла картечница, и смотрю в бинокль. Даже простым глазом можно было ясно видеть, как две огромные партии текинцев, на порядочной дистанции одна от другой, тянулись вдоль песков. Каждая из них занимала пространство больше, чем весь наш отряд. Я отчетливо вижу, что партии эти идут совершенно правильно: впереди едут начальники, выделяясь от прочих всадников гордой осанкой, а по бокам их едут разьезды.

– Что за чудные у них кони! – восклицаю я. – Один лучше другого. Вон тот серый, а этот гнедой, шерсть на них так и блестит. А легки-то как! Совершенно как английские, красивые, худощавые. Где же нашим казакам гоняться за ними! Все равно что ветер в поле ловить. Все эти текинцы, должно быть, были в каком-нибудь дальнем набеге; и теперь, извещенные о прибытии русских, торопятся поспеть на помощь своим. Они идут то рысью, то шагом, то пускаются вскачь. Показавшееся с этой стороны солнце ярко выделило обе партии, как два громадные черные пятна на желтоватом песке. Тень от них падала в нашу сторону и мешала рассматривать отдельных всадников. Сначала текинцы были далеко от нас, но затем настолько приблизились, что можно было различить масть их лошадей.

– Г-н майор, не попробовать ли, пожалуй, хватит! – говорит мне гардемарин Майер, берясь за ручку барабана картеч-

ницы, когда текинцы, минуя калу, подошли еще ближе к нам.

– Пожалуй, попробуйте, – отвечаю ему, хотя я заранее уверен, что пули не долетят.

Майер ведет ручкой с полкруга, и частая сухая трескотня раздается в кале. Ближайшие всадники останавливаются, с удивлением смотрят в нашу сторону и как бы прислушиваются, затем, убедившись, что в них летят пули, а не что другое, галопом отъезжают прочь и продолжают свое движение, не обращая на нас никакого внимания.

Итак, с этой стороны нам не было удачи. Я опять перехожу на свое прежнее место и принимаюсь следить за отрядом. Он уже почти дошел до того гребня холма, где скрывалось Геоке-Тепе. Я с трудом его различаю. Окруженный неприятелем, отряд медленно двигается правой стороной оазиса около гор; только белые пушечные дымки неясно указывают, где наши. Вот он подается еще немного, спускается за холмик и скрывается из глаз. Пока я видел отряд, то все был спокоен, но когда он скрылся, сердцем моим овладело неприятное чувство: не то тоска, не то опасение, воротятся ли наши благополучно? Главное, я боялся, чтобы не убили Скобелева. Пока он жив, думаю, текинцам с отрядом ничего не поделать, а если убьют, то, пожалуй, плохо будет. Весь гарнизон мой, как и я, продолжал пристально смотреть на то место, где скрылся отряд, и прислушивался, раздаются ли еще пушечные выстрелы. Пока они гудят, можно быть спокойным.

В это время возле меня поднимаются оживленные крики:

– Сюда, сюда, ей Богу сюда, к нам! Смотри, смотри!

Все, даже больные и слабые, бросаются к стене узнать, что случилось.

Гляжу: близехонько, точно из земли выросли, скачут к нам пятеро текинцев. Я оборачиваюсь и кричу своим: «Убрать со стен ружья, чтобы штыки не сверкали на солнце!» – Авось, думаю, текинцы так близко подъедут, что их можно будет снять с лошадей. Все они пятеро едут очень спокойным галопом, очевидно, и не подозревая, что сейчас наткнутся на нас. Саженьях в пятидесяти от калы протекает ручеек. Текинцы уже никак, думаю, не проедут, чтобы не напоить лошадей. И не ошибся. Все тем же галопом приближаются они, все яснее видно, как размахивают локтями; халаты у одних желтые, у других – коричневые, папахи белые. Передний, на высокой, красивой, серой, в яблоках, лошади, держит в правой руке плеточку и как бы шутя крутит ею в воздухе. Он первый останавливается у ручья, быстро соскакивает, и начинает поить лошадь, причем держа в руке повод, и сам припадает на колени и пьет. Текинцев этих, вероятно, товарищи послали узнать, не идут ли за русским отрядом еще войска.

Так как дорога проходила мимо самой нашей калы, то я запретил людям стрелять, пока текинцы не поедут мимо нас. Тогда одним дружным залпом, думаю, мы всех их разом подстрелим.

Сделав шепотом такое распоряжение, я бросаюсь вниз за

своей магазинкой. Но пока бегал, слышу, над головой раздаётся выстрел: один из солдатиков не утерпел и выстрелил, и, конечно, мимо. За ним пошли стрелять и остальные – один хуже другого. Когда я прибежал на свое место, то уже текинцы скакали в разные стороны; тот же, что был на серой лошади, карьером неся мимо калы, пригнувшись к седлу. Я высовываюсь из-за стены, целю ему в спину, стреляю, – текинец свертывается набок, но затем понемногу опять взбирается на седло и, испуганно озираясь в нашу сторону, продолжает скакать в таком положении, пока не скрывается за дальними деревьями сада. Лицо этого текинца как сейчас у меня перед глазами: бронзового цвета, с черной бородой и блестящими черными глазами.

Очень хорошо помню, что, когда увидел я приближающихся текинцев, в особенности когда они подъехали к ручью и стали поить лошадей, сердце мое так сильно запрыгало, так застучало от радости, что я невольно схватился за бок, боясь, что оно выскочит; когда же они у нас ускакали из-под носу, то мною овладела такая тоска, апатия, что я пошел к себе в шалашик, устроенный под фургоном, лег и с горя заснул.

Спал я недолго, часа полтора. Жара стала одолевать меня. Вода в котлах согрелась и сделалась противной, а за свежей послать боюсь, как бы текинцы не напали. Тем временем орудийные выстрелы стихли, должно быть, наши далеко ушли. Текинцев не видно, все пропали.

Часов около 4-х пополудни снова слышались пушечные

выстрелы, затем из-за холма показался и сам отряд. Вокруг него с воем скакали и кружились дикие текинцы, точно разъяренные псы вокруг утомленной добычи. Отряд подвигался все в том же сомкнутом, сжатом строе, все так же отстреливаясь во все стороны. Неприятеля теперь уже далеко не так много, как было утром. Он уже не скучивается в огромные сплошные толпы, а держится врассыпную. Большая половина из них, очевидно, предпочла возвратиться к себе в Геок-Тепе, потеряв на этот раз надежду сломить стойкость маленького русского отряда.

Чем ближе подвигался отряд к кале, тем больше и больше покидал его неприятель. Солнце уже было невысоко. От зубчатых вершин гор падали в нашу сторону длинные темные тени, когда я выехал за сады Ягинь-Батырь-калы, навстречу Скобелеву. Генерал, в грязном пыльном кителе, потный, загорелый, сидел уже не на серой кобыле, на которой выехал с утра, – ее уже ранили, – а на белом Шейнове. Начальник штаба, конвой, офицеры ехали за ним, тоже усталые и пыльные, но все счастливые и довольные. Отряд возвращался благополучно. За ним вдали все еще виднелось несколько сот самых назойливых текинцев.

– Ну что, батенька, как у вас, все благополучно? – еще издали спрашивает меня генерал своим картавым, приятным голосом. – А я боялся за вас, думал, что на вас тут напали и перерубили всех. По тону голоса я вижу, что генерал был доволен исходом рекогносцировки.

– Опасный неприятель, батенька, опасный, а смелости не хватило броситься на нас в шашки и довести атаку до конца, – прибавляет Скобелев, слезает с лошади и, разминаясь всеми суставами, направляется через сад к своему шалашу. За ним спешит слезть с лошади полковник Гродеков и направляется за генералом, причем дорогой беспрестанно спотыкается о корни деревьев и кустарников и поправляет на носу очки.

Я бегу за ним и кричу: «Здравствуйте, полковник!»

– А, здравствуйте, Верещагин! Вы знаете, что генерал говорил мне сейчас дорогой? – весело восклицает Гродеков, здороваясь со мной: – Ну, ежели у Верещагина есть убитые или раненые, то его надо немедленно представить к Георгиевскому кресту. Придав лицу вопросительное выражение, он улыбается и, еще раз споткнувшись обо что-то, скрывается между деревьями.

Когда я услышал это, мне еще более стало досадно за тех пятерых текинцев, которые ускакали у нас из-под носу. Вот, думаю, кабы они теперь лежали около нашей калы, так и было бы чем похвастать.

Во время рекогносцировки у нас было двое убитых и несколько раненых.

* * *

Надо сказать, что накануне, одновременно с тем, когда ге-

генерал отдал мне приказание относительно защиты калы, он призвал капитана Баранка и сказал ему: «Вы сегодняшнюю ночь должны спать на ноль (т. е. совсем не спать). Текинцы непременно нападут на нас. Я вам поручаю ночные посты и секреты». Затем генерал обошел с Баранком сады, указал места, где расставить сторожевую цепь, где расположить резервы. И так как сады были слишком обширны и мы не могли их все занять, поэтому, чтобы не дать возможности неприятелю подползти к нам незамеченным, пришлось часть деревьев вырубить, так что с тылу образовалась площадь, которая и спасла нас. В помощь Баранку для проверки постов были назначены: Ушаков, Кауфман, капитан Ланге и Эрдели. Первая ночь, как уже известно, прошла благополучно. Наступила вторая.

Капитан Баранок пошел расставлять ночные посты, а я, Ушаков, Кауфман и Эрдели прилегли отдохнуть на маленькой прогалинке, в нескольких саженьях от генерала. Лагерь стих.

Так уже за полночь, впросонье слышу какие-то отдаленные крики и завывания, – э-э-э-э-эй-й-й, точно пастухи скотину загоняют.

Открываю глаза – смотрю: луна светит, значит, еще ночь и спать еще можно. И в полной уверенности, что это действительно пастухи кричат, снова засыпаю. Не знаю, через сколько времени опять просыпаюсь: завывания и крики раздаются сильнее, а луна все еще продолжает светить своим

спокойным, однообразным, серебристым блеском. Огляды-
ваюсь: Ушаков сидит подле меня под деревом в бурке и точно к чему прислушивается; рядом с ним сидит Кауфман, тоже с каким-то тревожным лицом. В эту минуту что-то шлепается подле меня в землю.

– Да ведь это пуля, должно быть! – И я моментально отрезвляюсь от сна. Через минуту другая шлепается.

– Текинцы стреляют! – вполголоса и не меняя положения, говорит мне Ушаков.

– Где же генерал? Надо его разбудить.

– Да Баранок, кажется, уже убежал к нему.

В это время через прогалинку, освещенную луной, прыгает какая-то фигура на корточках, точно кенгуру, стараясь добраться до противоположной стенки.

– Кто бы это такой? – думаю и всматриваюсь хорошенько.

По фуражке и по одежде узнаю, что это был переводчик-армянин, состоявший при генерале. Бледный, испуганный, боясь приподняться, он добирается до стенки и скрывается за ней. Тем временем крики и завывания становятся все громче и слышнее. Они уже ясно переходят в голоса.

– Вот тебе и скотину загоняют! Просто к нам текинцы подползли, воспользовавшись темнотой, – рассуждаю про себя.

Между тем в лагере все тихо. Я иду искать Гродекова. Он лежал неподалеку от генеральской палатки и не спал, а только прислушивался.

– Что такое, что такое! Ей Богу? – отрывочно восклицает

он, узнав от меня, что случилось. Вскрикивает и бежит искать генерала.

А Скобелева давно не было в палатке. Он вместе с Баранком уже обежал по линии, ободрил войска и все приготовил для встречи неприятеля. Пули начинают частенько пролетать над головами. С нашей стороны хранится полное молчание. Крутом садов раздаются страшные завывания и перекликанье голосов.

Луна незаметно пропадает, а с нею вместе пропадает и смелость текинцев. Налево от нас холмистые пески начинают покрываться золотистыми лучами зари. А через час и солнце показывается.

Текинцы, подобравшиеся было к нам в громадных массах за ночь очень близко, некоторые даже к самой площадке, которую прорубил Баранок, не решились броситься через нее. Встреченные здесь залпами, они поворотили назад. С рассветом и другие толпы отступили и, отойдя с версту, остановились и глазели на лагерь. Я пробираюсь сквозь виноградные кусты и ветви деревьев, еще покрытые обильной росой, и выхожу к глиняной стенке, обращенной к стороне песков. Рота солдат, расставленная цепью, положила ружья на стенку и изредка стреляла залпами, по команде ротного командира, высокого поджарого поручика, с рыжим угреватым заспанным лицом. Неприятель рассеялся так, что с первого взгляда его кажется много, а присмотришься – и стрелять не в кого. Вчерашний бой, очевидно, научил их, как на-

до держаться под огнем. Позади меня, из сада, раздается пушечный выстрел. По сильному гулу догадываюсь, что это из дальнобойного выстрелили. Я невольно радуюсь, услышав, как шрапнель, сначала легонько шурша и посвистывая в воздухе, вдруг точно раскалывается над головами неприятеля и обдаёт их свинцом.

Вон один текинец, на рыжей лошади, покрытой от шеи до хвоста белой войлочной кошмой, подъезжает к нам ближе других, слезает и, не выпуская из рук повода, снимает из-за спины ружье с рогатками, присаживается на корточки и долго целит в нашу сторону. Наконец, порох вспыхивает, белый дымочек, курясь, на мгновение застигает его самого. Слабый, сухой звук выстрела едва долетает до моего уха, а текинец все еще сидит на корточках и, как бы озадаченный, пристально всматривается, попал он или нет?

Куда ни взглянешь, везде видишь одиночных всадников. Одни с визгом и гиком скачут, помахивая плетью; другие стреляют, сидя на корточках, возле своих коней, третьи подсаживают позади себя, на спины лошадей, пеших товарищей и в таком положении несутся куда-то. Смешно было видеть, когда такая пара проскакивала мимо нас: задний текинец, крепко обняв своего покровителя, вместе с ним так старательно и с таким сумрачным видом размахивал локтями в темпе галопа, что подумаешь, они и не весть какую работу работали.

Как только солнце взошло, отряд наш трогается в обрат-

ный путь. Неприятель замечает это, и ярость его удваивается. Мы направляемся сначала не по дороге, а наперерез через оазис, к пескам, чтобы поскорей выйти из садов и не дать возможности неприятелю стрелять в нас из-за прикрытия. Я пристально слежу за калой, где сидел накануне. Текинцы долго не решаются занять ее, боясь какой-либо засады. Но вот двое смельчаков осторожно приближаются, осматривают, заезжают с одной стороны, с другой – тем временем остальные зорко следят за их движениями. Смельчаки решаются въехать во внутрь калы. С гиком бросаются за ними остальные, не проходит минуты, как уже в нас сыплются из-за стен тысячи пуль. Но недолго потешаются текинцы. Мы скоро выходим из-под огня и спокойно направляемся вдоль песков на старую баминскую дорогу.

Глава V

Назад от Геок-Тепе до Вами

Текинцы нас более не беспокоили, и только небольшая партия следила за нами еще верст десять. Мы двигались очень медленно. К вечеру отошли всего верст двадцать и остановились на ночлег у «Горькой воды».

Помню, наступила ночь, и я лег спать, когда мимо меня пронесли хоронить двух солдат, убитых во время рекогносцировки. Трупы были обернуты, за неимением ничего другого, в траву и древесные ветви.

Об этих похоронах рассказал мне потом Баранок следующее: Скобелев и несколько офицеров присутствовали при церемонии, которая происходила в полной тишине. Могилу сравнивали, чтобы и следов не было, так как Скобелев опасался, чтобы неприятель, находившийся поблизости, по уходе нашем, не отрыл тел и не надругался над ними. По окончании церемонии, священник, который еще во время рекогносцировки находился в сильном волнении, и теперь, после благополучного ее исхода, пришел в веселое настроение, вдруг вздумал сказать надгробное слово. В конце речи, указывая рукой на заровненную песком могилу, он громко и плаксиво воскликнул:

– И слава человеческая, аки дым преходящий!

Когда мы шли обратно с похорон, – продолжал рассказывать Баранок, – Скобелев идет рядом со мной и говорит:

– Ведь вот, Алексей Никитич: подгулял поп, а дело сказал: «И слава человеческая, аки дым преходящий».

Два года спустя генерал обедал в Москве, в гостинице Дюс-со, и, обращаясь к Баранку, сказал:

– А помнишь, Алексей Никитич: «И слава человеческая, аки дым преходящий?» Через четыре часа после этого Скобелева не было в живых.

Но возвращаюсь к своему рассказу.

Проезжая опять через Дурун, я в первый раз увидел чрезвычайно высокие столбы пыли и песка, поднимаемые ветром. Вот близехонько от меня, на глинистой плоскости, начинает крутиться песок, сначала едва заметно, и все на одном и том же месте. Вот уже вихорь образуется в виде небольшого тонкого столбика, совершенно темного. Не могу понять, отчего это столб принимает такой черный оттенок. Затем столб становится выше, выше, вихорь крутится все сильнее и сильнее и, по-видимому, хочет упереться в небо. У, у... какой высокий стал! Я уже порядочно далеко отъехал, а столб все стоит на том же месте. Издали он походил на подпорку между небом и землей. Кроме этого столба, по сторонам виднелось еще несколько. Некоторые из них, достигши наибольшей высоты, тихонько двигались, оставляя за собой в воздухе черную полосу, точно от гигантской паровой трубы. Подвигаясь вперед, столб становился постепенно ниже и ниже и

затем исчезал. Но как только один пропадал, смотришь – поблизости подымался другой.

На другой день, дойдя до Дуруна, часов в 10 утра, Скобелев поручил отряд старшему офицеру, а сам с сотней казаков и несколькими штабными офицерами поехал налегке в Бами. Во время этого движения нам пришлось очень плохо за недостатком воды. В одном месте генерал, чтобы сократить путь, направляется напрямиком, без дороги. День, точно нарочно, выпал жарче обыкновенного. Воды нет ни у кого. До Беурмы, где был ближайший ручей, верст 30; назад ехать – столько же. Лошади устали, не идут. В эту поездку я в первый раз понял, что значит остаться без воды в жаркой степи. Джигитов генерал всех услал вперед разыскивать воду. Гродеков, Эрдели, я, Баранок, Кауфман, Ушаков, все едем за генералом, совершенно измученные. Мы уже и разговаривать перестали, у каждого одна мысль в голове: скоро ли до воды доберемся? Признаюсь, кажется, если бы еще часа два-три, я бы не в состоянии был ехать. А ведь прошло всего десять часов. Но вот вдаль показывается джигит. Он скачет к нам. Я пристально всматриваюсь, нет ли у него в руках сосуда с водой. Нет, у него руки пустые, но он машет нам и кричит что-то: «Су-су-су» слышу я, т. е. вода! Вода! Генерал пускается галопом. Лошадь моя точно поняла, в чем дело, и тоже поскакала. Оглядываюсь назад, из всей сотни казаков, выехавших с нами утром, теперь следовало всего человек двадцать, остальные растянулись по дороге и едва-едва виднелись.

Отъехав с версту влево, мы увидели ручеек. Все соскакиваем с лошадей и бросаемся с жадностью пить, точно боясь, чтобы ручей не пересох. Помню хорошо, что мы долго наслаждались водой, пили, пили, без конца и только к закату солнца приехали в Бами.

* * *

Мы жили в Бами тихо и мирно. Дел не было никаких. Днем хотя жара стояла страшная, зато ночью было прохладнее. По ночам изредка слышались залпы из секретов, стрелявших по одиночным текинцам, которые подползали к лагерю, чтобы промыслить себе ружье у задремавшего часового.

Утро. Я просыпаюсь; хоть еще и рано, а уже солнечные лучи начинают пропекать палатку.

– Погорелов! – кричу своему казаку.

Тот является в коричневом бешмете, который я же подарил ему.

– Накинь-ка бурку на палатку, вот с того боку, да приподними снизу, чтобы продувало! Через минуту в палатке становится темнее, солнце не пробивается сквозь бурку, а под приподнятое полотно дует легонький ветерок.

Выглядываю наружу: ручей, журча, течет около самой палатки. По обоим берегам его стоят палатки штабных офицеров. Рядом живут инженеры, подполковник Рутковский и ка-

питан Яблочков. У них что-то тихо, должно быть, еще спят; а вон из следующей кто-то пронзительно кричит: «Растеряев! Растеряев!» – Раз десять повторяется тот же самый крик; наконец из палатки показывается поджарая фигура господина без кителя, в белой рубахе, в синих рейтузах, заправленных в походные сапоги. Голова коротко острижена.

– Где ты пропадаешь, сто раз тебе кричать! – скороговоркой, сердито кричит он денщику, который появляется в эту минуту из-за палатки.

– Давай чаю! – и изобразив на заспанном, небритом лице сердитую гримасу, отходит зачем-то в сторону.

Немного дальше, все на том же берегу ручья, показывается из другой палатки, в одном нижнем белье и туфлях, знакомый мне капитан. Он, очевидно, тоже только что проснулся и вышел подышать чистым воздухом. Сладко зевая своим полным лицом, обросшим седоватыми бакенбардами и усами, капитан щурит глаза от яркого солнца, смотрит сначала в сторону генеральской палатки, затем постепенно обводит взор кругом всего лагеря, самодовольно похлопывает себя по объемистому животу, размышляет о чем-то и уходит обратно к себе.

– Давай умываться! – кричу казаку и выхожу. Кругом все тихо. Кое-где виднеются солдаты в белых рубахах, подпоясанных ремешками, и черных брюках. Некоторые из них идут куда-то за лагерь и скрываются. Взамен их, точно из земли, вырастают другие и идут к лагерю. Генерал, долж-

но быть, тоже проснулся; за его палаткой, под густым тенистым деревом, здоровенный рыжий гвардеец Петров, в кителе, с веснушками на лице, возится с умывальником и тазом. Лакей Лей, должно быть, из остзейцев, блондин, в черном сюртуке, несет на серебряном подносе стакан чаю. Одновременно с этим гусар Бражников подводит к палатке Скобелева уже оседланного и замундштученного жеребца Шейнова. Значит, генерал едет кататься. Надо, думаю, и мне ехать, а то, пожалуй, заметит.

– Седлай живо! – кричу казаку. – Не проходит четверти часа, как уже к палатке Скобелева съезжается конвой осетин и кое-кто из офицеров. Скобелев выходит в белом кителе, сначала кричит осетинам: «Здорово, братцы!», на что те отвечают по-своему: «Берекет берсень», т. е. покорно благодарю, затем здоровается за руку с каждым из офицеров, садится на коня и шагом направляется по дороге к аулу Беурме.

В конце июля генерал отправился к Михайловскому заливу посмотреть, как там подвигается железная дорога, а полковник Гродеков поехал к Чикишляру, чтобы проверить и осмотреть опорные пункты. Я тоже сопутствовал ему в этой поездке.

Гродеков неумоимо ездил верхом. Лошадь у него была отличная, купил он ее во Владикавказе у моего товарища Шанаева. Она шла, как и моя, проездом, так что мы делали, наверно, 8 верст в час. Гродеков, бывало, отъедет верст 20–30, слезет с лошади, поразомнется, сгонит пальцем с лысины

пот, поправит очки, снова сядет на лошадь и опять валяет дальше, как ни в чем не бывало.

Ежели рассчитать, сколько мы в первый день проехали, при жаре с лишком в 50 градусов, на тех же самых лошадях, так теперь трудно и поверить. От Бами до Бандесен – 16 верст, от Бандесен до Хаджам-калы 30 верст. От Хаджам-калы до Терсакан 45 верст, да там 30 до Дуз-Олума, – и выходит, с 4-х часов утра и до 11 часов вечера мы сделали 121 версту. В особенности тяжело было ехать от Хаджам-калы к Терсакану. Дорога здесь идет между горами и представляет как бы раскаленный котел. Вершины голых, серых скал точно покраснели от жары. Солнце все кругом так нагрело, так накалило, что дышать было тяжело. Дорога песчаная, тяжелая, воды нигде нет ни капли, ну, положительно проклятое место. Труден был этот переход!

Когда мы выехали из Дуз-Олума к Чату, Гродеков рассказывал мне, что ему хотелось бы послать кого-нибудь в Россию – закупить для отряда различных инструментов: гармоний, бубен и т. п., чтобы люди могли в свободное время повеселиться, и предлагал мне съездить. Я, конечно, согласился и заранее радовался, как приеду в Астрахань, затем прокачусь в Нижний, посмотрю ярмарку, накуплю всего, что мне будет поручено, и возвращусь назад. И так решено, я еду в Россию.

Подъезжаем к Чату, нас встречает комендант и, отпрапортовав начальнику штаба о «благополучии», начинает ему что-то объяснять вполголоса. Мы слезаем с лошадей, началь-

ник штаба уходит к коменданту в барак и через полчаса выносит мне предписание освидетельствовать и перевесить чатский продовольственный склад. Комендант жаловался на смотрителя, что у него недочет в провианте и происходили различные злоупотребления. Освидетельствование склада вещь не легкая. Нужно было перевесить около 20 тысяч пудов провианту. Вот, думаю, и Россия, и нижегородская ярмарка! Нечего делать, надо приниматься за работу!

Гродеков через час уехал дальше, а я взял у коменданта роту солдат из гарнизона – и давай перемеривать да перевешивать кули и мешки. Пять дней подряд возился я с этим делом, на этой сильной жаре, с раннего утра и до позднего вечера. Оказались действительно какие-то недочеты. Я собрался ехать обратно в Бами, когда поздно вечером приехал в Чат Скобелев, возвращавшийся из Михайловского залива через Чикишляр. С ним ехали Гродеков и Ушаков. Отдохнув часок, они сели в ротный фургон, запряженный тройкой лошадей, усадили меня с собой, и мы поскакали далее.

Из Чата мы выехали поздно ночью. Нас конвоировала сотня казаков. Подъезжая к самому опасному месту, Хоролуму, где текинцы чаще всего нападали на транспорты, наша сотня должна была смениться другой, высланной из Дуз-Олума. Но по чьей-то ошибке та сотня не выехала. К счастью, здесь нам встретилась рота солдат. Генерал отпустил казаков, посадил в фургон двух солдат с ружьями, и с таким ничтожным конвоем мы поехали дальше.

Ночь очень темная. Солдаты в серых шинелях сидят по бокам спиной друг к другу, ноги их свешены снаружи, в руках ружья, с примкнутыми штыками. Стук колес глухо раздается в ночной тиши. Хоролумское ущелье все ближе и ближе. Вот мы в него въезжаем, становится еще темнее. Я с Ушаковым молчим, Гродеков лежит на боку и изредка посматривает на нас. Генерал растянулся на дне фургона, напихал под голову сена, укрылся шинелью и как будто спит.

– Ну что, думаю, если теперь нападут текинцы, перебьют нас всех! Пропала тогда экспедиция!

В это время, смотрю, генерал приподнимается немного и, поправляя на голове смятую фуражку, восклицает:

– А-а-а, луна! С какой стороны она показалась, заметили, господа?

Оглядываюсь, позади меня из-за гор показался бледный серп молодой луны и тускло осветил окрестности.

– С правой, ваше превосходительство! – отвечаю ему.

– С правой, ну это хорошо! – мычит он вполголоса и успокаивается.

Я и не слышал, что существует такая примета о луне, что ежели она, во время путешествия, покажется с правой стороны, то это хороший знак, а ежели с левой, то предвещает несчастье.

На другой день мы приехали в Бами.

Глава VI

Бендесены. Охотничья команда

Когда генерал уезжал к Михайловскому заливу, баминский лагерь оставался на попечении седовласого артиллерийского полковника Вержбицкого. Около того же времени, для безопасности Бендесенского ущелья, была сформирована охотничья команда из разных войск. Преимущество охотников заключалось в том, что их не назначали ни на какие работы, и они знали только свое дело – разыскивать следы текинцев и предупреждать их нападения. Случалось, день, и два, и три подряд они лазили по горам, а затем столько же времени лежали у себя в землянке на боку. Все, что они отбивали, поступало в их пользу, конечно, кроме скота; а за оружие выдавалась денежная награда.

* * *

18-го августа я получил предписание ехать в Бендесены начальником отряда. На другое утро отправился я туда с попутным транспортом. День, по обыкновению, наступил очень жаркий. Въехали мы в ущелье, отошли версты четыре, как вдруг скачет из авангарда казак и докладывает мне запыхавшимся голосом, что впереди лежит убитый человек,

должно быть, кто-то из охотников. Я и еще несколько офицеров, бывших при транспорте, скачем ущельем вперед и видим – лежит, на самой дороге, голый труп: по лицу и по коротко обстриженной голове можно было узнать в нем нашего солдата. Пожелтевшая на солнце кожа была во многих местах исполосована глубокими сабельными ударами; голова прострелена пулею, и из раны вытекла на землю кровь. На сабельных же ранах кровь запеклась по краям, из чего можно было заключить, что текинцы, должно быть, уже на мертвом солдате пробовали доброту своих шашек. Удары приходились преимущественно по ногам и по рукам. Пока мы стояли и тоскливо рассматривали убитого, вдруг впереди раздались крики: «Да здесь еще один лежит!» – А затем слышим: «Еще третий!» – Скачу опять вперед. Вижу, немного в стороне от дороги лежат еще два трупа, тоже голые и изрубленные: у одного голова едва держалась на затыльной коже. При виде этих трупов нам стало жутко. Как бы, думаем, текинцы на нас не напали! Поскорее отнесли убитых в сторону, завалили песком, камнями, заметили место, чтобы прислать из Бендесен за телами, и стали осторожно подвигаться вперед. Неприятель не показывался, и мы благополучно добрались до своего места. Оказалось, что накануне из Бендесен отправили 16 ротных лошадей в Бами при четырех солдатах, в том числе был послан с казаком генеральский конь Шейнов, который гулял там на подножном корму. Как только солдаты спустились с перевала, с правой стороны из-за горки в них

посыпались выстрелы, и передовой солдат был убит. Остальные трое и казак поскакали вперед, но увидели толпу текинцев, которая бросилась на них и ухватилась за лошадей. Солдат убили, а казак спасся только тем, что соскочил с коня, бросил его среди дороги и, пользуясь суматохой, которая поднялась у неприятеля из-за лошадей, ускользнул в горы. С этим казаком я несколько раз потом разговаривал и расспрашивал подробности этого дела. Он видел, как к Шейнову с гиком и воем толпой бросились текинцы; видел, как один из них, высокий, широкоплечий, седой старик (впоследствии оказалось, что это был предводитель текинцев, Тыкма-Сардар) смело схватил коня под уздцы. При виде этого сердце замерло у казака, и он едва живой от горя и страха дотащился до Бендесен. Но сколько, примерно, человек было в шайке, каков был их вид, что они кричали и как он сам успел соскочить с лошади и убежать, — казак не помнил. Прибежав домой, он целые сутки лежал без языка, не пил и не ел.

Как только я приехал в Бендесены, тотчас же послал за телами убитых. Их привезли на другой день утром и с честью похоронили рядом с той горкой, где похоронен доктор Студитский.

Укрепление Бендесены расположено как раз на вершине той скалы, при выезде из ущелья в долину, где я заметил при первой моей поездке разбойничье гнездо, или пещеру.

Наверху горы были расположены в юламейках 3-я и 4-я роты Самурского полка и два орудия; внизу, под самой го-

рой, по берегу ручья, расположились 14-я рота Апшеронского полка, сотня казаков Таманского полка и охотничья команда. Так что весь бендесенский гарнизон, который был в моем ведении, простирался до 500 человек.

Бендесены, как выражался Скобелев, находятся как раз в «горле» у текинцев. Для их набегов это место представляло самое лучшее отдохновение. Вода в роднике прекрасная; широкая долина, тянувшаяся с севера на юг, покрыта сочной травой. Наши солдаты заготавливали здесь сено, поэтому мне приходилось несколько раз проезжать по долине. Во время этих заготовок часовые, расставленные на командующих вершинах, зорко следили, не покажется ли где неприятель, и, несмотря на всю их осторожность, текинцам раз удалось-таки подкрасться и убить одного часового.

Это было уже осенью; день пришелся пасмурный, окрестные горы и долины покрылись туманом. Часовой хотя и заметил неприятеля и успел дать один выстрел, но было поздно. Текинцы бросились на него и изрубили. Выстрел же сделал свое дело, остальные солдаты успели собраться в кучу около своих повозок. Я был тогда в лагере, внизу под горой, у командира апшеронской роты, поручика Чикарева, как вдруг слышу: барабанщик бьет тревогу. Тр-р-р-р... так и сыплется дробь. Что такое? Смотрю, от гор по долине скачет верховой и кричит:

– Тревога, тревога! На наших напали! Часового убили!
Подымается суматоха.

– Рота, стройся! – кричит дежурный ротный командир, выбегает из своей юламейки и быстро нацепляет шашку с револьвером.

Через минуту рота выстраивается. Я бегу к ней, говорю, по какому направлению надо идти, и солдаты, скорым шагом, а где и вприпрыжку, направляются по долине в горы. А уже впереди пехоты едва виднеется полусотня казаков с их командиром, который, узнав, в чем дело, бросился за неприятелем. Погода как раз помогала этой тревожной картине. Небо, обыкновенно ярко-синее, заволочли густые, серые облака. Солнце скрылось. Стало темно. Горы почти до самого подножия тоже покрылись туманом. Весь отряд был настроже. Но все обошлось благополучно. Солдаты, заготавливавшие сено, вскоре вернулись с повозкой назад и объявили, что текинцы не решились напасть на них. Погиб только один часовой.

К вечеру вернулись казаки и рота: они так и не видали неприятеля.

Охотничья команда жила внизу в земляном бараке. Командир же их, прапорщик Усачев, совсем еще мальчик, лет 20-ти, брюнет, довольно полный, с черными усиками, устроился под выступом скалы в шалашике.

Впрочем, охотникам жить в лагере приходилось очень мало. Целый день они рыскали по горам, как звери. Я, признаюсь, удивлялся их смелости.

Если бы они ходили большими партиями, человек по 20

или 30, то это еще ничего, а то смотришь, плетутся из гор два солдатика, шинели надеты в рукава, чтобы белых рубах не было видно, кепи без чехлов, через плечо холстяные сумочки.

– Вы чего идете? – спрашиваю их.

– За хлебом, ваше высокоблагородие.

– А ваши где?

– Командир с командой туда, к Нухуру пошли, а нас шестеро осталось на перевале.

Другой раз едешь ущельем с казаками и видишь: где-нибудь на вершине горы стоит наш солдатик, один-одинешенек и поглядывает себе по сторонам. А с текинцами не шути! Так раз партия охотников, человек 10, присела отдохнуть на самом перевале. Составив ружья в козлы, они пошли напиться к роднику, который находился в нескольких саженьях. Как вдруг на них набросились текинцы. Пятерых убили, остальные разбежались.

Больше всех мне нравился в охотничьей команде фельдфебель. К сожалению, забыл его фамилию. Молодчина был и отчаянно смелый. Среднего роста, худощавый, брюнет, глаза черные, живые.

Помню, как-то я проснулся очень рано, вышел из юламейки и смотрю на долину. Солнце только что показалось со стороны Вами, из-за скалистых гор.

Вижу: из ущелья идут скорым шагом фельдфебель охотничьей команды и еще двое охотников. Шинели надеты в ру-

кава, на плечах ружья, – значит, ходили куда-то в горы. Я подзываю фельдфебеля и спрашиваю его:

– Откуда это ты так рано?

– Да ребята прибежали, сказывали, тут текинцы показались. Я взял сколько было дома людей и побежал. Во-о-он там! – говорит он и указывает рукой к перевалу, – влево от дороги мы и заметили, бегут трое текинцев по тропинке. Мы за ними бегом. Я впереди, и не вижу, что мои отстали. Смотрю – в меня стреляют, близехонько, так вот около самых ног пули падают. А я, как наметил одного, все неохота отстать, замучился совсем, а таки догнал и застрелил!

При этих словах фельдфебель, очень довольный, улыбается, лезет к себе в правый карман шинели и вытаскивает отрубленное ухо текинца. Оно было еще совсем мягкое, но уже бледное, холодное. Я никак не ожидал такого наглядного доказательства; взял в руки ухо, осмотрел его, возвратил назад, похвалил фельдфебеля и обещал при первой встрече с генералом доложить о нем. Фельдфебель, радостный, пошел к себе в землянку.

Спустя несколько дней приезжаю я в Бами и, между прочим, рассказываю одному приятелю моему, капитану, начальнику гелиографов⁵, относительно охотничьей команды и текинских ушей.

---

⁵ Гелиограф есть оптический прибор, с помощью которого небольшими наклонами зеркала на горизонтальной оси производят сверкания в условной последовательности, чем изображают знаки и буквы азбуки. Средняя дальность гелиографирования нашими аппаратами – до 25 верст.

– Да это что, отвечает он, – это пустяки. А вот на днях я видел: кажется, 4-го сентября, приезжает сюда в Бами сотенный командир, такой высокий, здоровый, рыжий мужчина, вы его знаете! Ну, да не в том дело. С ним едут сзади несколько казаков. Смотрю, у них на седлах болтаются мешки с чем-то круглым. Сначала я подумал: с капустой. Подхожу ближе, а казаки слезли и давай вытряхать из мешков отрубленные текинские головы. Они где-то столкнулись с текинцами, побили их, поотрубили головы и привезли в штаб, в доказательство своей победы. А одни уши отрезать – это уже им после позволили, чтобы легче возить было.

– Да скажите, пожалуйста, зачем же им эти уши и головы? – спрашиваю я.

– Как зачем, ведь за них в штабе деньги выдают, разве вы не знаете? Не могу наверно сказать сколько, кажется, 3 рубля. Недавно еще я видел, – продолжал рассказывать капитан, – пришли от вас из Бендесен несколько охотников. Смотрю, один лезет к себе за голенище, вытаскивает завернутое в бумажку ухо и отправляется с ним в штаб получать деньги.

Услышав это, я понял, почему фельдфебель охотничьей команды так старательно гнал за текинцем и, невзирая на пули, свиставшие над его головой, все-таки догнал того, застрелил и отрезал уши.

Вскоре в Бендесенах был устроен верблюжий лазарет, т. е. сюда пригоняли на подножный корм всех больных верблюдов, прибывающих в Бами, и назначен был особый ветеринар. Но здешний подножный корм, очень хороший для лошадей, оказался совершенно негодным для верблюдов, и они стали десятками околевать ежедневно. В окрестностях распространилось зловоние. Гарнизон из сил выбился, закапывая околевших животных. Сотни шакалов появлялись по ночам и пожирали трупы. При этом шакалы подымали такой вой и драку, что я нередко выходил из юламейки, чтобы разглядеть, где они так близко воют.

Как-то офицеры выпросились у меня сходить на ночь подкараулить шакалов, но они просидели напрасно целую ночь околодохлого верблюда и воротились ни с чем: шакалы не показались. А ведь как они, каждую ночь, отчаянно выли – невозможно передать словами. Вытье их продолжалось всего каких-нибудь четверть часа и затем утихало.

Во время моего житья-бытья в Бендесенах мне пришлось проводить телеграф к Бами и Хаджам-кала. Лес рубили в горах и привозили на больных верблюдах. Хотя и тяжело было смотреть, как несчастные, слабые животные тащили за собой на веревках длинные, сырые столбы, но что же было делать, – телеграф приказано строить во что бы то ни стало,

ну и строй! Годного для столбов лесу оказалось очень мало, и его трудно было доставать из ущелий. Командировав однажды офицера с верблюдами за телеграфными бревнами, я поехал тоже вместе с ним. Мы отправились долиной к югу. Я никогда еще так далеко не углублялся здесь в горы, как этот раз. Долина, широкая около Бендесен, все суживалась, а затем разветвлялась, между горками и холмами, на множество маленьких долинок, покрытых превосходной душистой травой. Вероятно, вследствие того, что по всему Ахал-Текинскому оазису очень мало зелени, здешние места мне чрезвычайно понравились, в особенности в сравнении с протухшим от верблюжьей падали Бендесеном. Воздух был так чист, зелень так свежа, что и не ушел бы отсюда. В конце одной маленькой долины, под тенью высокой, стройной рощи деревьев, похожих на наши серебристые тополя, мы нашли могилу какого-то текинского святого, покрытую большим камнем. Мы чрезвычайно обрадовались этой роще, так как она нам сразу давала около двадцати хороших телеграфных столбов. Признаюсь, жаль было рубить это святое для текинцев место; но можно ли было иначе поступить и оставить их стоять, когда нам каждый столб был бесконечно дорог, и за ним приходилось солдатам лазить Бог знает по каким горам? Нечего делать, давай рубить, и дерево за деревом начали наклонять свои густые, тенистые вершины, а затем с треском падать на землю. Скоро от прохладной тени не осталось и следа около могилы святого, и только свежие

пни белели и свидетельствовали о нашем жестокосердии.

Немного спустя генерал Скобелев запретил заготавливать сено своим солдатам, так как, несмотря на то, что люди зарабатывали себе этим деньги, оказывалось, что они привыкли смотреть, что им должна следовать известная плата и за другую работу: как напр., за закапывание верблюдов, рубку телеграфных столбов и т. д. Поэтому был нанят подрядчик из персиян.

* * *

В конце октября вершины гор, около Бендесен, покрылись снегом. Дорога к Хаджам-кала разгрязнилась. Ручей разошелся и затопил долину. Одним словом, наступила здешняя зима. Транспорт за транспортом проходили мимо меня, сопровождаемые вновь прибывающими с Кавказа войсками. Двигалось много орудий и зарядных ящиков, и все это скоплялось в Вами, чтобы оттуда двинуться разом в Геок-Тепе.

Как-то вечером подошел к Бендесену очень большой транспорт с провиантом; с ним прибыли войска чуть не всех родов оружия, и пехота, и артиллерия, и казаки. Транспорт расположился на ночь под горой, при входе в ущелье. Некоторые из офицеров, в том числе и мой сотенный командир, поднялись на гору, к одному товарищу, попить чайку. Его юламейка стояла в нескольких шагах от моей. После чая там

пошло и другое угощение, коньяк, разные вина; началось провозглашение многолетия Скобелеву. Ротный командир позвал песенников. Вместо обычной тишины, после зори, по лагерю раздались песни и гул барабана. Я посылаю дежурного с просьбою, чтобы господа офицеры прекратили песни. Тот возвращается и докладывает, что офицеры очень просят позволить им продолжать песни. Что делать! Идти самому туда – можно нарваться на неприятность. Вышел я из юламейки, смотрю – ночь совершенно темная. Поблизости, около орудия, едва виден часовой. Кругом все тихо, только из палатки, где собралась компания, доносятся веселые голоса и песни. Скверно! Думаю, как это я так ловко попался! Чтобы раньше предложить им разойтись; а теперь, когда прекратятся эти безобразия? А главное, ну если нападет неприятель, что тогда я буду делать? Пока так размышляю, подходит дежурный унтер-офицер и шепотом говорит мне:

– Ваше высокоблагородие, дозволейте с какого-нибудь поста – таф-таф!

– Что такое? – спрашиваю его, не понимая, что он хочет выразить.

– Из цепи, значит, выстрел дать, будто по текинцам! – объясняет он с улыбкою.

Я догадался, в чем дело, и очень обрадовался этой мысли. Действительно, только одна тревога и могла отрезвить расходившихся офицеров.

– Смотри же, говорю унтер-офицеру, осторожнее, не про-

болтайся!

Иду к себе в палатку, ложусь на постель, чтобы и виду не показать, что ожидаю чего-то. Минут через пять, где-то далеко в сторожевой цепи раздается глухой выстрел. Ему поблизости вторит другой, за ним третий, четвертый! Слышны крики: «Тре-во-га!» Барабанщик выскакивает из соседней юламейки и бьет тревогу.

Песни моментально прекращаются. Раздаются крики и возгласы: – Где моя фуражка? – Господа, моя сабля? – Вон, вон, подай ее!.. – Надо вниз бежать скорей!

Выстрелы раздаются все чаще. Барабанщик все яростнее продолжает бить. Гарнизон выбегает из юлаемек и занимает вдоль вала свои места. Вскоре все стихает. Я обхожу укрепление. Офицеры на своих местах. Спрашиваю, что такое? Говорят, что внизу от гор подъезжали всадники и затем скрылись. Один солдатик уверяет, что он сам видел белые папахи на текинцах. С четверть часа ждали нападения, затем я распустил роты по местам, и лагерь успокоился. Только один сотенный командир пострадал: он второпях, вместо того чтобы спуститься вниз по тропинке, свалился в кручу и хорошо, что еще попал в ров с водой, а то мог бы крепко разбиться, хотя и то сутки-двое жаловался на плечо. Впрочем, вряд ли что могло ему приключиться. Это был детина без малого в три аршина. Полное, круглое лицо его обросло широкой русской бородой. Такого видного молодца я редко встречал.

Глава VII

Ягинь-Батырь-Кала – Самурское укрепление

В конце ноября в Баши собралось достаточно войск и провианта. Скобелев решил двинуться к Геок-Тепе.

В ночь с 29-го на 30-е декабря наши передовые силы собрались в деревне Келете, в 35 верстах от Геок-Тепе. Отсюда генерал намеревался занять Ягинь-Батырь-калу, или, как она была названа впоследствии, самурское укрепление, в честь 1-го батальона Самурского полка, бывшего постоянно в авангарде.

Войска были разделены на четыре колонны. Я находился во время этого движения с кавалерийской колонной при Скобелеве.

Помню, в то время, когда выстраивались казаки, все было тихо, слышался только топот тысячи копыт, как вдруг раздается, во весь голос, команда войскового старшины графа Орлова-Денисова:

– По-о-олк, стройся! – Скобелев, сердитый, подсказывает к нему и говорит:

– Что вы командуете, точно на параде! Разве вы не видите, что это ночное движение? Надо соблюдать тишину!

Колонна вытянулась длинной черной, громадной змеей и

направилась песками к стороне Геок-Тепе. Надо было пройти около двадцати верст. Лошади без шума шагали по сыпучему песку. Несмотря на то, что в колонне было без малого тысяча всадников, наше движение было почти неслышно, никто не курил, не разговаривал, каждый сам понимал, что теперь не время этим заниматься. Мы уже часа два едем. Впереди где-то далеко блеснул огонек. Джигиты объясняют, что это пастухи стерегут баранту около Геок-Тепе. Мы долго едем по направлению этого огня, а он кажется все также далеко. Погода холодная. Луны нет, темень полная, едва видишь соседнего всадника.

– Ну, Нефес-Мерген, пошел вперед, что ты тут толчешься со своими джигитами! – кричит Скобелев полусердитым голосом своему приятелю туркмену, который молча ехал возле «сардара», как он называл генерала. Нефес-Мерген быстро едет вперед, говорит что-то по-туркменски джигитам и вместе с ними скрывается в темноте.

– Если попадется неприятель – всех рубить! – кричит им генерал вдогонку.

Влево от нас занимается заря, пустынные окрестности понемногу освещаются. В это время несколько джигитов подсакивают к генералу и говорят ему что-то. Скобелев трогается рысью, за ним и вся колонна, все шибче и шибче. Мы выскакиваем из песков на бугор и видим на почерневшей долине оазиса оголенные деревья и сады Ягинь-Батырь-калы. Там уже сновал Нефес-Мерген с джигитами. Кала оказалась

незанятою. Гроде-ков, несколько офицеров и я скачем туда. Колонна же со Скобелевым направляется через оазис к горам и, соединившись с колонной капитана Баранка, захватывает огромное стадо баранов.

Для неприятеля наше появление было такою неожиданностью, что он даже не успел отогнать подальше свои стада.

Текинцы вскоре выскочили из Геок-Тепе и остановились на приличном расстоянии. Долго глазели они на нас в этот день; пробовали было пустить несколько пуль в нашу сторону и только к вечеру удалились обратно в свою крепость. На этот раз отряду нечего было опасаться нападения текинцев. Нас теперь собралось две тысячи человек да двадцать пушек.

Тотчас же по прибытии в Самурское его начали укреплять. К стороне гор построили редут, глиняные стенки соединили в одну линию, а по углам устроили барбетты для орудий, так что теперь можно было знать, где проходила граница лагеря. Это было особенно важно ночью, при расставлении постов. В кале был устроен склад для артиллерийских снарядов, а позади калы образовался провиантский склад. Генерал поставил свою юламейку почти на том же месте, где и 6-го июля, в самом саду, хотя сад уже теперь не имел зелени. Штабные юламейки поставили поблизости генеральской, в две линии.

Несмотря на то, что теперь собралось в Самурском гораздо более войск, чем во время рекогносцировки 6-го июля, но не могу сказать, чтобы я спал в первую ночь совершенно спо-

койно. Все-таки, думалось мне, может же неприятель подползти и напасть на нас всеми силами. Положим, есть сторожевые посты, но далеко ли они выставлены от черты лагеря? Самое большее – сажень пятьдесят, а пока текинцы пробегут это расстояние, лагерь и в ружье не успеет встать.

На другой день, по занятии Самурского, я проснулся очень рано. Сквозь растворенную дверку юламейки видна долина Геок-Тепе. Она затянута легким утренним туманом, так что ни кургана в Геок-Тепе не видно, ни гребня, за которым скрывается крепость. Солнце еще низко, лучи его слабо пробиваются сквозь сырой воздух. Я с удовольствием потягиваюсь и гляжу на эту картину, как вдруг вдали раздаются глухие ружейные выстрелы и начинают перекатываться все чаще и чаще. Всматриваюсь пристальнее, – вижу, как в версте от лагеря в тумане мелькают темные фигуры одиночных текинских всадников. Один из них останавливается, слезает с лошади и стреляет. Синеватый дымок быстро сливается с туманом и застигает на мгновение и его, и лошадь. Текинец вскакивает в седло и исчезает.

Вон ближе показалась сомкнутая линия всадников, – это казаки. Пока я рассматриваю, позади моей юламейки раздается топот нескольких коней, и слышен голос Скобелева:

– Да прикажите, чтобы орудие немедленно выезжало!

– Слушаю-сь! – кричит кто-то в ответ.

– Эх, нужно ему гоняться за каждой шайкой текинцев, – думаю я и вскакиваю, сердитый, с постели. – Ну, показалась

партия, выслал к ним навстречу роту пехоты да сотни две казаков, вот и конец. А то все самому хочется видеть, везде самому побывать. Теперь туман, долго ли до беды, может близехонько столкнуться с неприятелем; изрубят или застрелят – вот и кончен наш поход!

Минут через пять я уже скачу вдогонку за Скобелевым. Генерала едва видно. Он окружен конвоем осетин, с отрядным значком посередине. Значок этот не тот, что был в Турции: его генерал подарил моему брату Василию. Взамен же старого, истрелянного и побывавшего еще в Туркестане, в 76-ти сражениях, брат выслал Скобелеву из Парижа новый значок, сделанный из великолепной индейской материи красного и голубого цветов.

Туман рассеялся. Генерала я догнал на кургане. Верхом на серой кобыле (она уже давно поправилась от раны 6-го июля), Скобелев весело хохотал, видя, как Нефес-Мерген с джигитами перестреливался с текинцами. Текинцы были от нас с версту. У Нефес-Мергена ружье старинное, дрянное, поэтому ясно видно, как его пули, не долетев и половины расстояния, падали на землю и подымали клубочками сухой песок.

– Кха-кха-кха... молодец Нефес-Мерген, – хохочет Скобелев, закидывая голову назад.

Офицеры, конвой стоят немного позади своего начальника, тоже улыбаются и шепотом делают друг другу замечания относительно неприятеля, который в разных направлениях

скопился все в большие партии.

Пули начинают посвистывать над нашими головами. Нефес-Мерген все продолжает стрелять со своей позиции. По временам он с довольным видом оглядывается на своего сардаря, будучи, кажется, совершенно уверен, что это он, Нефес-Мерген, задерживает неприятеля напасть на нас, хотя хорошо видит, что вправо от него, саженей полсотни впереди, стоит рота пехоты и залпами стреляет по текинцам.

– Сюда, сюда, прямо на курган! Ну-ка, по ним шрапнелью можете хватить? – кричит Скобелев молодому артиллерийскому офицеру в очках и с толстыми губами, который галопом въезжал с орудием на курган.

– Сейчас, ваше превосходительство, – отвечает офицер, соскакивает с лошади и торопит уносных отъезжать.

Те отъезжают, орудие поворачивают, а через минуту раздается команда: «Пли!» – и знакомый пушечный гул далеко раскатывается и по долине, и в горах.

Почти пять месяцев прошло со времени рекогносцировки 6-го июля. Текинцы успели уже и отвыкнуть от этого страшного для них гула, и теперь вдруг он снова раздается здесь, под стенами их родной крепости, вблизи их жен и детей!

С первого же выстрела неприятель начал подаваться назад, и мы возвратились в Самурское.

Комендантом Самурского укрепления был назначен подполковник Гайдаров, – старик, маленького роста, широкоплечий, живой, неутомимый. Я спящим Гайдарова никогда не заставал. С прибытием нашим в Самурское сюда почти ежедневно прибывали транспорты и войска. Я удивлялся терпению и хладнокровию Гайдарова. Дела ему было по горло. Его день и ночь осаждали просьбами: то укажи, куда провиант складывать, то отведи место для такой-то части, то расположи кухни, то прикажи отпустить довольствие, то выдай юламейки. И ведь все это сейчас делай, сейчас подай, не откладывай.

Лагерь наш все разрастается. Он уже в несколько дней вышел куда дальше за первоначальную черту. Передовую калу, что выходила саженой сто за лагерь, заняли охотники. Она впоследствии так и называлась: «охотничья кала». Налево от палатки генерала стали ширванцы, направо – самурцы, еще правее, впоследствии – ставропольцы и туркестанский отряд. На передней линии, фронтом к Геок-Тепе, располагалась 4-ая дальнобойная батарея капитана Полковникова. Остальные части расположились поблизости.

Днем войскам было очень много работы: то перегружать провиант, то рыть укрепление, то в караулы, то верблюдов закапывать, которые с прибытием транспортов во множестве

начали дохнуть в окрестностях. На работы ежедневно выходило несколько рот, и работали с утра и до вечера. Часто случалось, что те же люди, которые работали целый день, должны были идти на ночь занимать караулы.

* * *

– Г-н майор, прикажете посты расставлять? – спрашивает меня вечером офицер, дежурный по караулам, просовывая голову ко мне в юламейку (Скобелев поручил мне расстановку всех ночных постов и караулов).

– Разве зорю били? – спрашиваю его.

– Никак нет-с, сейчас бить будут.

Я надеваю шашку и отправляюсь за офицером. Солнце уже село. Трескотня барабанов начинает оглашать лагерь. Становится холодно. Полушубок, что я купил недавно у Гродекова, пришелся мне теперь как нельзя кстати. Кругом пылают костры, от некоторых искры поднимаются высоко к потемневшему небу. Через полчаса будет совсем темно, надо торопиться.

– От каких частей посты? – спрашиваю офицера, направляясь за черту лагеря.

– От 1-ой ширванской роты и 2-ой таманской сотни. (Кавалерия занимала посты ночью в пешем строю).

Саженой 50 за лагерем стоит кучка людей. Солдаты в шинелях в рукава; казаки в бурках и с винтовками за плечами.

Я тихонько веду их. Начинается расстановка постов. В глубокой тиши слышится только полусшепот разводящего унтер-офицера: – Вот вас трое здесь; Нехфедов, ты за старшего. Затем идем дальше, – слышится опять тот же голос: – Вот вас трое. Иванов, ты за старшего. – Слушаю, – отвечает тот. – Пока расставляли посты, стало совсем темно. Остается еще десять казаков при уряднике; их я веду саженей сто вперед и кладу в узенькой лощинке в секрет. Преимущество секретов то, что неприятелю они не видны, тогда как часовой на посту весь виден, и неприятель мог очень легко подползти к нему, незамеченный, между кустиками или по канавке. Кроме того, секрет, заметив неприятеля, очень удобно может подпустить его близко и встретить залпом. Зато, с другой стороны, неудобство секретов заключается в том, что люди, улегшись где-либо в канаве или в густой траве, иногда невольно засыпали, в особенности ежели днем они были на работе и устали. Тогда неприятель, наткнувшись на такой секрет, мог его легко перерезать.

Но как ни опасно было выставлять секреты, я все-таки возлагал на них большие надежды, так как часовому на посту редко удавалось кого подстрелить. А как сердце мое радовалось, когда, проходя ночью по лагерю, вдруг слышишь: раздается залп. Так уж и знаешь, что это из секрета хватили! И бежишь туда справиться, что за дичинка попалась? Если в такую минуту я находился поблизости палатки генерала, то слышал его голос:

– Кто там? Ординарец! Узнай, где стреляли!

Глава VIII

Геок-Тепе. 4-е декабря

Четвертого декабря, только что солнышко показалось из-за песков, возле охотничьей калы выстроился отряд из 9-ти рот пехоты, 3-х сотен казаков и 16-ти орудий. Скобелев сегодня делает рекогносцировку Геок-Тепе. Отряд двигается по тому же направлению, как и 6-го июля, т. е. правой стороной долины, вдоль гор, к селению Янги-кала.

Утро отличное. Горы местами покрыты снегом. Воздух совершенно чист и свеж. Я оглядываюсь назад, смотрю: в Самурском одиноко белеют покинутые палатки и юламейки. Оставшиеся солдаты в коротеньких желтых полушубках повзлезали на глиняные стенки и смотрят, как мы удаляемся. Отряд идет развернутым фронтом, скорым шагом. На левом фланге идет 4-й батальон Апшеронского полка. Вон я вижу и знакомую мне по Бендесенам 4-ю роту. Славная была рота! И фельдфебель в ней какой бравый, высокий, полный, с густыми русыми бакенбардами. Да и не могла быть эта рота неисправной. Командир ее, поручик Чикарев, был всегда за работой. Когда ни придешь к нему, все он в роте, все с солдатами возится. Но странно, при моем разговоре с ним, он каждый раз мне высказывал свое грустное предчувствие, что ему не воротиться домой.

– Убьют меня, убьют, майор, вот вы увидите, вспомните! – говорил он с улыбкой, щуря свои узенькие глаза.

Чикарев был еще молодой человек, живой, бодрый, лицо рыжее, без бороды, и все покрыто веснушками.

Отряд все тем же скорым шагом продолжает идти, широко развернувшись фронтом. Генерал с конвоем, отъехав немного вперед, замечает, что он опередил отряд, останавливает серого коня и поджидает. Сначала слышен шум колес, зарядных ящичков, звон орудий; затем, прислушавшись, можно разобрать, как пехота мерно отбивает ногу. От середины фронта, влево, краснеют длинной узенькой полоской околыши апшеронцев; от середины вправо – чернеют ширванские.

Мы так скоро шли, что только когда приблизились к гребню холма, за которым скрывалось Геок-Тепе, текинцы заметили нас. С кургана крепости раздался пушечный выстрел, возвещавший о нашем появлении. Я в первый раз увидел Геок-Тепе так близко. Крепость была от нас верстах в четырех на юго-восток. Прямо же перед нами, верстах в двух, тянулись оголенные от листьев сады селения Янги-кала. Они шли от крепости наперерез через оазис к горам, и с версту не доходили до них.

Мы спускаемся с холма, подходим к ручью, что течет с гор в Янги-калу, и останавливаемся. Скобелев и все офицеры смотрят на сады, куда из Геок-Тепе неприятель спешит густыми массаами, преимущественно пеший. Конные текин-

цы заскакивают нам с левого фланга в тыл, как бы стараясь отрезать отступление к Самурскому. Из-за каждой хатки, из-за каждой стенки торчат сотни неприятельских голов в черных мохнатых папах. Пули, как шмели, начинают летать через нас. Уже в резерве кричит кто-то: – А-ай, а-ай! Генерал стоит на невысоком холмике и продолжает смотреть в бинокль. От пехоты отделяются кучки солдат и, отбежав сажень сто, залегают за прикрытиями. Орудия въезжают на пригорки и открывают огонь по садам. Текинцы замечают группу офицеров, где стоит Скобелев, пули начинают свистать чаще и чаще. Генерал внезапно оборачивается к нам и кричит: – Прошу, господа, разойтись!

Я отхожу в сторону. Самурского отсюда за холмом не видно. Конные текинцы громадной подковой, в одну шеренгу, стоят у нас в тылу. Осмотревшись кругом, я вижу невдалеке перед собой небольшой пригорок, за ним залегли наши стрелки.

– Дай, думаю, пойду к ним, постреляю, чем так стоять зря и служить мишенью. Генерал, верно, не спросит меня.

Иду к солдатам, ложусь между ними, беру у одного берданку и начинаю высматривать неприятеля. Сады пересекают тысячи глиняных стенок, по всевозможным направлениям. Множество различных башенок, домиков, виднеются из-за этих стен. Над всеми ими торчат мохнатые папахи текинцев.

В тех местах, где наши снаряды падают реже и стрелко-

вые цепи действуют не так решительно, текинцы ободряются, делаются смелее, и один за другим, скорчившись и прижавшись около стенок, перебегают ближе к нам. И наоборот: где шрапнель разрывается чаще, там и неприятель робеет и покидает свое убежище.

Спустя некоторое время, ни наших, ни неприятеля не стало видно. И те и другие стали осторожнее. Только артиллерия, окутавшись облаками синего и белого дыма, продолжала отчетливо, не торопясь, раз за разом, посылать неприятелю свои чугунные гостинцы. Вот один снаряд попал, должно быть, очень удачно. Из-за маленькой башенки поднялся густой черный столб песку и дыма, и вслед за ним – вдруг повалила назад масса текинцев с криком и воем! Пестрые халаты их так и замелькали между оголенными деревьями и кустами. Я все продолжаю лежать и всматриваться. Во-он, саженой триста или четыреста передо мной, осторожно показывается из-за обломка стены фигура текинца, в черной мохнатой шапке и с такой же черной бородой. Стоя на коленях и опершись левой рукой на землю, он пристальным взором всматривается как будто в меня, хотя я так лежу, что он вряд ли мог меня видеть. Я хорошенько прилаживаю ружье, ставлю прицел на 1200 шагов и целю. Лежа стрелять мне очень удобно, я не тороплюсь. Солдат, у которого я взял ружье, шепчет мне на ухо:

– Цельте в пояс, ваше благородие, а то перенесет.

Я нажимаю спуск. Выстрел раздается, текинец быстро

прячется за стенку.

– Кажись, не попали! – говорит мне солдат с улыбкой.

Я несколько сконфуженно отворяю затвор, причем пустая гильза летит мне через голову, и вкладываю новый патрон. В эту минуту, смотрю, мой текинец снова высовывается из-за стенки, еще более осторожно, и целит из ружья. Я поскорей уменьшаю прицел на 100 шагов, снова прилаживаюсь поудобнее и стреляю. Текинец моментально скрылся и больше в этом месте не показывался.

Пока артиллерия и пехота стреляли, бывшие при отряде топографы делали съемку местности Янги-калы и ее окрестностей: в этом заключалась главная задача рекогносцировки.

Около полудня мы трогаемся отсюда, сначала немного влево, к Самурскому, чтобы выйти из-под выстрелов, и затем направляемся наперерез оазиса – параллельно садам Янги-калы, к Геок-Тепе. Текинцы, заметив наше движение, густыми толпами устремляются обратно в свою крепость. Верстах в двух от Геок-Тепе стоит кала, называвшаяся у нас Опорная. Так вот, пройдя ее немного, отряд останавливается. Здесь повторяется то же самое, что и под Янги-калой: артиллерия открывает огонь по крепости, пехота высылает стрелковые цепи, топографы принимаются за съемку. Теперь начала стрелять по нам и текинская пушка. Помню, стою я подле топографа Сафонова и смотрю, как он работает. Вдруг что-то позади нас с шумом шлепается в песок, оглядываюсь – каменное сплошное ядро величиной с апельсин. Ко-

нечно, попасть таким ядром было очень мало вероятности, тем не менее пушечные выстрелы текинцев, с такой командующей высоты, производили нравственное впечатление на самих же защитников и поддерживали в них дух бодрости.

Было уже за полдень, когда Скобелев приказал командиру 1-го ширванского батальона, подполковнику Гогоберидзе, дать залп по крепости целым батальоном. Через несколько минут все четыре роты выстроились в две длинные шеренги. Ротные командиры и субалтерны, зная, что на них с любопытством смотрит генеральское око, суетливо пробегают перед фронтом и проверяют прицелы, которые совершенно подняты, и люди, держа ружья наперевес, целятся в самую верхушку мушки. Затем передняя шеренга становится на одно колено; офицеры отбегают за фронт; Гогоберидзе, стоя за фронтом, громко и протяжно командует: «Ба-та-льон!» – и затем точно отрывает: – «Пли!» Шестьсот пуль, как одна, летит в крепость. Генерал и все мы смотрим. Пули, должно быть, не долетели до цели: длинные, серые стены крепости как были покрыты неприятельскими фигурами, так и остались.

– Подполковник Гогоберидзе, дайте еще залп, только на три тысячи шагов, – говорит Скобелев.

Через несколько минут раздается второй залп – текинцев точно что смахнуло со стены. Все пропали; только одиночные часовые кое-где продолжали виднеться.

А большая крепость Геок-Тепе! В-о-он где ее конец, к са-

мым пескам подходит, версты две длины, рассуждаю я, глядя в бинокль на высокие глиняные стены. Да и толсты же, должно быть, они! Вон по ним в одном месте разъезжает всадник, вон он спустился и через минуту поднялся в другом месте. Текинцы то тут, то там, показываются из-за стен целыми толпами. В бинокль можно хорошо разглядеть их лица, одежду, оружие. Текинцев множество. У некоторых в руках видны, вместо ружей, длинные палки с железными наконечниками. Шапки у одних черные, у других белые; халаты всевозможных цветов.

Со стены изредка стреляют из фальконетов (большие старинные ружья). Солдаты подняли несколько таких пуль: они чугунные, величиной с грецкий орех. Говорят, текинцы большие мастера стрелять из фальконетов.

Солнце было уже далеко за полдень, когда мы начали отступать к Самурскому. Неприятель, очевидно, только того и ожидал. Поднялся ужаснейший вой, крик. Тысячами бросаются они из крепости, и конные, и пешие, и со всех сторон обхватывают отряд.

Две сотни казаков, рассыпавшись цепью в арьергарде и по флангам, в виде серпов, отстреливаются от неприятеля, не слезая с коней. Кроме того, рота пехоты тоже идет в арьергарде, беспрестанно останавливается и стреляет залпами. Обе арьергардные сотни и рота составляют как бы черту, дальше которой неприятель не должен приближаться к отряду.

Солнце скрылось, становится темно. Но вот из-за песков выкатывается луна и светит серебристым зеленоватым блеском. Текинцы все настойчивее, все смелее преследуют нас.

Наш фланг подымается на песчаный холмик, который много выше других. Я чувствую, что только мы начнем спускаться с холма, неприятель займет его и чуть не в упор будет стрелять. Оглядываюсь назад, вижу: толпа всадников близехонько остановилась, скучилась и зорко следит за нашим движением. Я невольно подталкиваю лошадь и скачу ближе к своим. Не успели мы отъехать и ста сажений, через наши головы засвистали неприятельские пули.

Подле меня в цепи ехали несколько осетин; один из них сваливается с лошади, товарищи подскакивают к раненому и подхватывают (этот осетин на другой день умер). Текинцы, видя удачу, еще более ожесточаются, начинают сильнее визжать и учащают огонь. Генерал очень часто присылает в цепь казаков с приказаниями: то не отставать и держаться ближе к отряду; то, наоборот, сильнее задерживать неприятеля. Отряд идет очень медленно. Приходится поминутно останавливаться и стрелять. При ярком лунном свете картина нашего отступления была чрезвычайно эффектна. Впереди неясно очерчивается скученная масса отряда; по бокам арьергарда, в цепи казаков, огненной змейкой переливаются огоньки. В самом же тылу от роты поминутно вспыхивают длинные огненные полосы. В ночной тиши грохочут залпы: тра-а-а, тра-а-а!.. Им где-то вдали вторит пронзительный вой

текинцев: ги-и-и, ги-и-и! В дыму и огне я вижу, как Скобелев быстро поворачивается на своем сером коне, объезжает солдат, ободряет их; слышно, как те отвечают ему: «Рады стараться, ваше превосходительство»; вдруг среди всего этого настает полнейшая темнота, луна пропадает – происходит лунное затмение. Текинцы, как мусульмане, принимают это за дурное предзнаменование и, ошеломленные злоеющим для них явлением, перестают стрелять. Наши выстрелы тоже прекращаются, и мы, среди глубокой тишины, в темноте, чуть не ощупью, без выстрела, доходим до Самурского. У нас оказались 4 убитых солдата и 19 раненых, в том числе два офицера.

Глава IX

Самурайское укрепление.

Ночные посты

Рекогносцировка 4-го декабря еще сильнее убедила Скобелева, что неприятель храбр и многочислен, что крепость Геок-Тепе взять нелегко и что осада дело нешуточное.

Силы наши все увеличиваются, свежие войска все пребывают, лагерь разрастается. Теперь, если вечером выйдешь расставлять посты, так огненные костры горят на таком обширном пространстве, что сердце радуется.

Я лежу, не раздеваясь, в своей юламейке, то дремлю, то опять проснусь. Крепко заснуть нельзя, нужно идти проверять посты. В юламейке градуса два-три тепла. Тяжелые войлоки изнутри отсырели, а снаружи замерзли, так что до них голой рукой и дотронуться противно. Зажигаю спичку, смотрю на часы, двенадцатый час: пора идти. Хоть и не хочется, а надо: генерал сказал, что он на меня надеется, что посты будут проверены. А как тепло лежать под буркой и полушубком! Быстро вскакиваю с постели, надеваю полушубок, накидываю шашку, беру револьвер и иду к кале в крымскую роту за разводящим. Воздух холодный. Луны нет, темнота полная. Идти скверно, беспрестанно спотыкаешься: днем солнце разгрязнило почву, а теперь она замерзла неровными ко-

мьями. Костры почти все погасли, и только у транспорта, что пришел сегодня из Баши, еще горит маленький костер, вокруг которого собрались в кружок вожаки-туркмены. Подхожу к ним ближе, слышу какое-то странное пение, похожее немного на бляение овцы. Меня оно заинтересовало, и, чтобы не испугать певца, я осторожно приближаюсь к костру, останавливаюсь и всматриваюсь. Лица вожаков, в их мохнатых черных шапках, по временам ярко освещаются вспыхивающим огнем. Старик певец, с маленькой седой бородкой, с инструментом в руках, вроде нашей балалайки, быстро наигрывает пальцем и, закинув голову назад, дрожащим голосом тянет сначала громко, затем все слабее и слабее одну и ту же ноту – э-э-э-э... В горле у него точно что переливается; при этом сам певец слегка трясется, глаза закатывает под лоб и в таком положении замирает. Товарищи, усевшись в кружок, с наслаждением вслушиваются, притаив дыхание. На их лицах выражается восторг. Они изредка покачивают головами в знак одобрения и чуть слышно, почти шепотом, гортанно восклицают: якши, якши! Это пение, хотя очень странное, мне понравилось: в нем было что-то увлекательное, все равно как в каком-либо диком танце, где танцор или танцовщица начинает бешено кружиться на одном месте. Затем все тише, тише, наконец, ослабевает и останавливается. Один из туркмен, понимавший немного по-русски, объяснил мне, что в этой песне восхвалялся их древний «батырь» (богатырь) за свою храбрость и силу и что у них поется также

песня, где прославляется и наш Нефес-Мерген. Вот, думаю, как скоро прославился Нефес-Мерген, даже попал в народную песню!

Посмотрев на туркмен, иду дальше и натываюсь на вожаков-киргизов. Они в темноте, в своих уродливых мохнатых шапках, похожих на наши старинные женские меховые капоры, делили на части распростертого по земле верблюда. Верблюд этот был дохлый, я еще днем видел его лежащего здесь. Но тогда киргизы не смели его тронуть; а теперь, когда все улеглись спать, они втихомолку, точно гиены, напали на него и расправились. Для виду они прирезали ему горло; один киргиз вон уже и огонек разводит, чтобы поджаривать на нем куски верблюжатины. – Отвратительно смотреть, как едят киргизы. Они скорей не едят, а пожирают; при этом хватают окровавленное мясо прямо руками и так жадно жуют и глотают, что страшно становилось, как бы они не подавились. Узенькие косые глаза их в те минуты смежаются еще уже; на бронзовых лицах с жиденькими бородками появляются уродливые гримасы, выражающие наслаждение. Туркмены, в особенности текинцы, стоят гораздо выше киргизов в отношении еды. Они никогда не решатся есть дохлятины, тогда как киргизам это нипочем. Я спросил их: «Как же вы едите дохлого верблюда?» – На это один из них, отрезая ножом около самого рта кусок сырого мяса, совершенно спокойно ответил мне: «Он, бачка, только сейчас издох».

Вместо того чтобы искать разводящего, я отправляюсь

один мимо самурцев, сквозь проломанную стенку, и подхожу к посту. Часовой окликает меня вполголоса:

– Кто идет?

– Свой, – отвечаю ему и тихонько спрашиваю:

– Ну что, все благополучно?

– Так точно.

– Ничего незаметно?

– Никак нет.

Остальные два солдата лежали возле, окутав головы башлыками. Наш разговор разбудил их, и они уселись возле часового.

– Где другой пост? – спрашиваю.

– Эдта влево, ваше высокоблагородие! Он вот сейчас виден был, а теперь потемнело, што ли! – и солдат наклоняется и пристально всматривается в темноту.

Я отхожу несколько шагов вперед по указанному направлению, останавливаюсь, наклоняюсь, всматриваюсь (ночью чем ниже наклонишься, тем дальше видишь), ночь такая темная, что я ни назад ни вперед ничего не вижу. – «Кто идет?» – слышу опять голос. Я откликаюсь, подаю еще несколько и в трех шагах перед собой вижу одиноко стоящего часового. У нас повторяется опять тот же разговор: «Ничего не видно?» – «Никак нет» и т. д.

Пройдя самурцев, обхожу посты, которые занимали тверские драгуны. Часовые исправно стояли, переминаясь с ноги на ногу, и только бряцанием шпор нарушали общую тишину.

Отсюда заворачиваю вдоль левого фланга лагеря. Здесь идти еще хуже: кругом все вытоптаные виноградные сады; их корни чрезвычайно цепки, и я поминутно спотыкаюсь, что в темноте производит на меня чрезвычайно неприятное впечатление. Я браню себя, что пошел один, без разводящего. Только что начинаю разбирать в темноте следующий пост, как с него мелькает огонек и раздается выстрел. Подбегаю, смотрю: все трое солдат стоят и перешептываются.

– Чего вы тут стреляете? – сердито спрашиваю их вполголоса.

– Чакинец, ваше благородие, – робко отвечает часовой шепотом и, указывая рукой вперед, посматривает на товарищей. Он, видимо, сам испугался своего выстрела. Товарищи спросонья дрожали от холода всеми суставами и кутались в шинели. Я прихожу к убеждению, что им померещился текинец, так как они что-то плохо отвечали на мои вопросы. А в темноте померещиться часовому могло очень легко: он стоит в полночь свою смену, стоит, кажется, и конца не дожидается. Товарищи сладко похрапывают возле его ног, укутавшись шинелями. День провел он на работе, устал; сон слипает глаза, а тут смотри, чтобы текинец не подполз да не застрелил тебя. Только он задремал, как ему представляется текинец; открывает глаза – темно, ветерок в эту минуту наклоняет кустик, который в настроенном воображении солдата, пожалуй, рисуется папахой текинца. Для смелости часовой тихонько будит товарища, тот спросонья вскакивает,

смотрит и шепчет: «Чакинец!» – Ну часовой, благословясь, и стреляет.

Хотя такие выстрелы и частенько случались, но редкую ночь у нас обходилось без того, чтобы где-нибудь на посту или в секрете не подстрелили неприятеля. Помню того первого, что застрелили из охотничьей калы. Так как ночью бежать туда узнавать было далеко, то я пошел на рассвете. Шагах в пятидесяти от калы лежал на боку убитый текинец, уже пожилой, с маленькой черной бородкой, и точно спал. Больше всего меня удивили его руки: они были маленькие, нежные, совершенно женские. Как мне объяснили туркмены-джигиты, убитый, должно быть, происходил из знатного рода «батырей», и потому никакой грубой работой не занимался.

От ширванцев иду дальше. Прохожу посты Таманского казачьего полка, Лабинского, Оренбургского, пехотные дагестанские, крымские, заворачиваю к горам: здесь тянутся ставропольские батальоны. Это был лихой полк. Стоило только взглянуть на их командира, полковника Козелкова, чтобы сразу понять, что у него солдат не задремлет на посту, да и офицер не прозевает.

Не знаю почему, но в Козелкове мне представлялся тип командира полка старых николаевских времен. Росту был он выше среднего, тучный, лицо с двойным подбородком.

Кажется, на второй же день, как пришли ставропольцы в Самурское, я захожу в один из батальонов и говорю дежур-

ному по полку насчет постов: почему у них не хватило людей? – вдруг за юламейкой раздается басистый голос Козелкова:

– Капитан Бабаев! – Из соседней палатки, точно ошпаренный, выскакивает старый высокий капитан и, застегивая по пути португею, направляется к командиру полка. Я слышу их разговор.

– Почему у вас людей не хватило? – Молчание.

– Вы вчера дежурили?

– Я-с, господин полковник, – отвечал капитан осипшим голосом.

– Будете и завтра дежурить. Можете идти-с! – сухо отвечает полковник, – и старый седовласый капитан, командир роты, точно школьник, молча, на цыпочках, понутив голову, уходит в свою палатку.

Только что я обошел посты и направился к своей юламейке, как со стороны ширванцев раздается залп из секрета. Я бегу узнать. Подхожу к секрету и сажусь между солдатами, чтобы нас не было видно, и спрашиваю их шепотом:

– В кого вы стреляли?

– Текинцы, ваше высокоблагородие, проезжали мимо, человек двадцать, – отвечает старший.

– Убили кого?

– Кажись нет, далеко было. Они только услышали выстрел, как загалдят песню какую-то по-своему, во все горло, да и поскакали туда к пескам.

Я приказываю им быть осторожнее, подпускать ближе на выстрел, не торопиться, и отправляюсь назад мимо генеральской палатки, так как знаю, что генерал слышал залп и пожелает знать, в чем дело. Не доходя немного до лагеря, смотрю: кто-то идет навстречу в бурке. Окликаю – Ушаков.

– Генерал послал узнать, по кому стреляли, – говорит тот скороговоркой.

Я рассказываю, и мы идем назад вместе.

– Ну, что там такое? – спрашивает Скобелев из палатки, заслышав наши шаги.

– Текинцы подъезжали, человек двадцать, но довольно далеко, так что залп не задел никого, – объясняю ему, просовывая голову в дверь палатки.

– Какие это болваны в секрете сидят, не могут подпустить на действительный выстрел, – ворчит Скобелев сонливым недовольным тоном, ворочаясь на постели.

– Пожалуйста, смотрите хорошенько, – говорит он мне и отпускает. Начинало рассветать, когда я пришел к себе в юламейку.

* * *

11 и 12-го декабря у нас опять были рекогносцировки Геок-Тепе. Не помню, в которую именно из них выпросился у Скобелева один из военных чиновников отряда сопровождать генерала. Скобелев с удовольствием согласился. Чинов-

ник, вероятно, думал, что это будет очень приятная и интересная прогулка и что в случае если ему захочется вернуться, то он может это исполнить во всякое время. А вышло иначе. Когда мы подошли ближе к крепости и мимо наших ушей начали летать пули, чиновник изменился в лице, оглянулся назад к Самурскому, а там уже заскакали текинцы, значит, назад ехать нельзя. Надо ждать конца рекогносцировки. И вот несчастный любитель сильных ощущений должен был целый день, волей-неволей, сидеть в седле как на иголках и ждать, что вот-вот шальная пуля ударится в него.

Когда отряд вечером возвратился в Самурское, с чиновником сделалось что-то вроде нервной горячки. Всю ночь он не дал нам покою и кричал на весь лагерь. Только заснет немного, успокоится, как опять начинает кричать страшным голосом: «Ай-ай, ай-ай...» – его уложили в госпиталь, и он пролежал чуть ли не две недели.

* * *

15-го декабря, часа в два пополудни, мы все обедали в общем шатре с генералом, как вдруг к нам входит своей развалистой походкой, разминаясь от продолжительной верховой езды, полковник Куропаткин, в длинном черном сюртуке.

– А! Алексей Николаевич, друг мой! – восклицает Скобелев и обнимается с ним.

Затем Куропаткин обходит всех сидящих за столом, здо-

роваются, знакомятся; заметив меня, тоже приятельски обнимается и восклицает: «А, старый товарищ, здравствуйте!»

Я очень обрадовался Куропаткину. Мы с ним не видались ровно четыре года и вдруг опять встречаемся в походе.

С тех пор как я с ним не видался, он на мой взгляд сильно поправился, пополнел и сделался молодцеватее.

Куропаткин привел из Туркестана от генерала Кауфмана отряд в тысячу человек на подмогу Скобелеву.

Всего от Аму-Дарьи до Ахал-Текинского оазиса Туркестанским отрядом было сделано 900 верст, в том числе 500 верст по песчаной и каменистой пустыне, безводной до такой степени, что 900 верблюдов отряда за весь этот путь были напоены два раза: на колодцах Ортакуй и колодцах Игды. Средняя величина 14-ти переходов по пустыне была по 36-ти верст каждый. Шли днем и ночью. Больных за весь путь оказалось два человека, которых и сдали в Бамийский госпиталь. Остальные совершенно свежими пришли в Самурское.

Встречая туркестанский отряд, Скобелев от души хвалил их за бодрый, молодецкий вид и щеголеватость, судя по которым трудно верилось, что отряд прошел до Самурского почти 900 верст форсированным маршем.

После обеда все отправились встречать туркестанский отряд. Всего больше понравились мне уральские казаки. Где только Куропаткин подобрал таких: молодец к молодцу, росту высокого, все с черными бородами, в больших мохнатых, черных шапках. Одним словом – внушительный народ. Ко-

гда мне привелось потом расставлять их на ночные посты, то как-то совестно становилось делать им наставление: как надо держаться на посту, куда смотреть, откуда ждать нападения, где опаснее. Уральцы казались такими опытными, бывалыми, что могли любого офицера сами научить, как сидеть в секрете.

Теперь собрались в Самурском почти все силы, которыми Скобелев мог располагать при штурме Геок-Тепе. К этому же времени приехали в Самурское генерал Анненков, строитель железной дороги, и генерал Петрусевиц, начальник Закаспийской военной области. Петрусевиц был чрезвычайно симпатичен: честного, прямого характера. Наружность имел представительную: высокого роста, полный; лицо, обросшее длинной рыжей бородой, выражало ум и энергию. Впоследствии Скобелев сам говорил о Петрусевице, что это был незаменимый для него помощник. И действительно, прожив много лет в Закаспийском крае, Петрусевиц, кроме того, что стал владеть в совершенстве туркменским языком, превосходно изучил страну, обычаи и нравы тамошних жителей. Всеми этими познаниями он много помог Скобелеву в подготовительных трудах экспедиции.

18-го декабря под Геок-Тепе была произведена так называемая у нас генеральская рекогносцировка. Название это она получила оттого, что в ней принимали участие не только что все начальники отдельных частей, но и четыре генерала: Скобелев, Анненков, Петрусевиц и Гродеков, который толь-

ко что перед этим был произведен в генерал-майоры за дело 6-го июля. Я в этой рекогносцировке не был, но помню хорошо, что генерал Анненков воротился из нее раньше других с подвязанной правой рукой. Он, как мне рассказывали товарищи, был ранен именно в ту минуту, когда отряд подошел к аулу Янги-кале и Гродеков стал читать начальникам частей диспозицию войск на 20-е декабря, для штурма Янги-калы. Пуля пробила пальто, шведскую куртку и скользнула по руке. Генерал Анненков остался в Самурском лечиться от ран.

Глава X

Во время осады Геок-Тепе

Девятнадцатого декабря Скобелев, одетый как и солдаты, в дубленый полушубок, только с погонами Генерального штаба, проезжал по лагерю. Встречает меня и говорит:

– Ну-с, мы завтра выступаем под Геок-Тепе, а вы остаетесь здесь комендантом. Слышите? И он несколько иронически смотрит, как бы желая знать, какое впечатление произведут на меня его слова.

Такой новости я, действительно, не ожидал. Как, думаю, все мои товарищи пойдут вперед, будут участвовать в штурме, конечно, возьмут крепость, будут ликовать, получают награды, а я, точно отверженный какой, должен оставаться в тылу и только завидовать им! – Все это моментально промелькнуло в моей голове. Мне стало больно, досадно; чувствую, как слезы навертываются на глазах. Я жалобным тоном обращаюсь к генералу и говорю:

– Ваше превосходительство, за что же вы хотите меня здесь оставить, ведь это уже во второй раз?

– На войне не рассуждают. Что приказано, надо исполнять! – строго восклицает он. Затем, смилостивившись, с улыбкой говорит: – Впрочем, можете успокоиться, перед штурмом я вас вызову к себе! – И, пожав мне руку, генерал

поехал дальше по лагерю.

– Ну, что же, говорю себе в утешение; верно, он надеется на меня, если поручает такой важный пост, как Самурское. Ведь в нем все артиллерийские и интендантские склады, все то, на чем основан успех экспедиции, – и сообразив все это, я, совершенно довольный, иду к Гайдарову принимать от него укрепление.

20-го декабря утро было отличное. Я, генерал Анненков и почти весь гарнизон Самурского укрепления стоим на передней глиняной стенке и смотрим, как все наши войска – с лишком пять тысяч человек, разделенные впереди охотничьей калы на три колонны, направляются к Геок-Тепе. Первая колонна полковника Куропаткина, 1600 человек и 10 орудий, уже идет по знакомой дорожке к Янги-кале, правой стороной оазиса возле гор. Ее едва видно, и она вскоре скрывается за холмом.

Только она исчезла из виду, как трогается полковник Козелков со своей колонной, напрямик на Янги-калу. Силы Козелкова немного меньше сил Куропаткина: у него около 1500 человек и те же 10 орудий.

Одновременно с Козелковым двигается Скобелев с главными силами. Эта колонна очень внушительна: в ней всего две тысячи штыков, но 32 орудия с прислугой и зарядными ящиками да 7 эскадронов кавалерии. Они придают ей грозный вид. И Козелков, и Скобелев двигаются такими сплошными черными массами, что любо глядеть. Главные силы на-

правляются несколько влево от Самурского, к Опорной кале, в промежуток между крепостью Геок-Тепе и садами Янги-калы.

Защитники крепости, должно быть, почуяли, что для них сегодня готовится что-то особое: едва войска выстроились, как уже с их кургана начали раскатываться пушечные выстрелы, возвещая о тревоге.

– Ну, голубчики, дождались вы, думаю я, глядя на тысячи штыков, ярко сверкавших на солнце. Предлагали вам сдаться, – не хотели, ну теперь не прогневайтесь, Скобелев шутить не будет!

У Куропаткина, на правом фланге, уже загудели пушки; мой гарнизон разошелся по юламейкам, генерал Анненков тоже ушел к себе, а я все еще продолжал любоваться, как наши войска, точно сбитые гигантскими молотами в две громадные железные глыбы, медленно, грозно, без выстрела, двигались по долине к неприятелю и наконец исчезли за холмом.

Проводил я войска и скорей бегу назад, в укрепление. Дел у меня пропасть. Положение серьезное. Я вполне уверен, что текинцы, заметив выступление войск, кинутся занять Самурское. Надо приготовиться отразить их; а чем? В гарнизоне оставлено всего две роты и две сотни. Положим, пушек на эту ночь будет много – их за недостатком верблюдов нельзя было сразу взять – но завтра их возьмут, и останется всего шесть, и те без прислуги. День меня не страшил, – беспо-

коила ночь: где я постов наберусь? Лагерь обширный, войска ушли налегке, оставив здесь все тяжести, госпитали, все управления; одних денег в казначействе находилось с лишком полмиллиона: все это надо сберечь. Так думал я, бегая по укреплению и приказывая всем переноситься к кале, где хранились артиллерийские припасы. Их Скобелев приказал мне беречь пуще глаза.

Но как я ни стягивался, как ни сокращал линию постов, все людей у меня не хватало; а об резерве и говорить нечего: только и оставались, что больные да слабые.

Давай снова пересчитывать да распределять свой гарнизон. Прежде всего внутренний караул: к артиллерийскому складу надо 6 человек, к провиантскому 6, к казначейству 3, к почтовому ящику 3 и т. п. Выходит 30 человек. Затем на посты, в секреты... И если занять только самое необходимое, то в случае нападения встретить неприятеля нечем. Как быть! Надо что-нибудь делать! Сокращаю еще линию лагеря: ставлю к почте и казначейству один караул – 3 человека, убавляю еще кое-где посты, к складам ставлю только по 3 человека и, наконец, устраиваюсь. Чиновники беспрестанно, то один, то другой, подходят ко мне и спрашивают:

– Что, майор, обойдемся как-нибудь, не опасно?

– Ничего, не беспокойтесь, все отлично, – отвечаю я, а у самого на сердце кошки скребут.

После полудня бегу на барбет к орудию, что стояло на левом фланге переднего фаса, взглянуть, не видать ли где

наших. Поблизости барбета помещалась юламейка генерала Анненкова; сам генерал тоже стоял на барбете, в пальто, правая рука подвязана белой косынкой, и смотрел в бинокль. Я становлюсь рядом с ним, и вижу, что из-за гребня холма, в промежутке между крепостью и Янги-калой, уже торчат вер-хушки наших юламейек.

– Слава Богу, значит, наши заняли Янги-калу и стали ла-герем под Геок-Тепе! И я, радостный, направляюсь к своему делу. Солнце уже низко, времени до ночи остается немного, а работы еще и наполовину не кончены. Главное, заботило меня, что когда лагерь стянулся, то кругом остались свобод-ными все глиняные стенки, и их требовалось или уничто-жить, или занять постами; в противном случае неприятель, при нападении, мог отлично воспользоваться ими и в упор открыть по нам огонь. Попробовал я ломать их, но они ока-зались такими крепкими, что пришлось только рукой мах-нуть. Пусть что будет.

Наступила ночь, – расставил посты; орудия приказал за-рядить картечью, на всякий случай. Проходит час, другой, третий, я хожу от одного поста к другому, от орудия к ору-дию – все смирно, кругом тихо, только вон с тылу раздает-ся залп. Бегу узнать. Оказалось, подкрадывалось несколько текинцев, вероятно, проведать, насколько гарнизон осторо-жен, но встреченные дружным залпом, они повертели на-зад. Вопреки моим предположениям, ночь прошла благопо-лучно.

На другой день, 21-го декабря, гарнизон оживился: со стороны крепости Геок-Тепе показался наш транспорт. Я выехал к нему навстречу. Транспорт вел Петрусеви́ч. Точно сейчас вижу, как он еще издали, сидя на своем маленьком сереньком киргизском коне, приветливо раскланивается со мной. Сквозь очки ласково смотрят его добрые голубые глаза. По лицу его можно было угадать, что дела наши идут счастливо и что можно быть спокойным. С транспортом прибыло и несколько моих товарищей. Начались рассказы, точно мы и век не видались. Я узнал, как и следовало ожидать, что неприятель дерется отчаянно и о мирных переговорах нечего и думать. На этот раз к нам было привезено несколько раненых. На другое утро Петрусеви́ч забрал интендантские грузы, орудия, массу артиллерийских снарядов и отправился обратно. С того времени, как войска выступили под крепость, в Самурское почти ежедневно приходили транспорты, под прикрытием небольшого отряда; они привозили раненых, ночевали здесь и на следующее утро, забрав все, что нужно было, уходили обратно под крепость. Мне это было на руку – пользуясь приходившим прикрытием, я брал из него людей и усиливал на ночь свои посты.

Не прошло двух суток, как Петрусеви́ч приводил в Самурское транспорт, у нас распространяется слух, что он убит под Геок-Тепе. Я бегу на гелиографную станцию, которая помещалась на передней стенке калы и переговаривалась с отрядом, и прошу запросить начальника гелиографов, капи-

тана Максимовича, насколько слух справедлив. Через четверть часа получаю ответ от Максимовича: «Генерал Петрушевич убит и похоронен. Пришлите еще несколько юламеек для моей команды».

– Плохи, плохи наши дела, что-то дальше Господь даст! – думал я с грустью, возвращаясь назад к себе.

28-го декабря, вечером, когда уже стемнело, я только что расставил посты и возвращался в укрепление, вдруг слышу: вдали над крепостью раздается гул орудий и частые беспорядочные ружейные выстрелы. Весь гарнизон наш выскочил из юламеек и смотрит. В темноте мы видим, как над крепостью взвиваются светлые мортирные бомбы с огненными хвостами, на мгновение останавливаются в зените своего полета и затем быстро летят вниз. Некоторые разрывы так отчетливо, с таким ясным шипением и свистом близехонько раздавались около нас в ночной тиши, что мы все только подивились. Не знаю, чем объяснить это, чистотой ли воздуха, или ночной тишиной, крепко сжималось мое сердце, когда я слушал эту трескотню. Все мы хорошо знали, что недаром она произошла, верно, текинцы напали на наших. «Помоги, Господи, нашим удержаться!» – крестясь, шептали солдатики и продолжали тревожно прислушиваться. Через четверть часа все утихло.

На другой день мне стало известно, что текинцы сделали вылазку и бросились на наших в траншеях, где был 4-й апшеронский батальон: застали его врасплох, изрубили, за-

хватили батальонное знамя, одно горное орудие и возвратились в крепость. При этом больше всего досталось моей знакомой 14-й роте: командир ее, Чикарев, был убит – предчувствие не обмануло его. Расспрашивал я потом некоторых солдат-апшеронцев об этом деле, как оно случилось. Один ответил мне: «Да как, ваше высокоблагородие. Темень была такая, что руки не видно, а слышишь, что ровно волна наплывает, что-то шуршит, стрелять не видно. Тут они как ахнут на нас – и пошло дело». – Оказалось потом, что текинцы, воспользовавшись темнотой, подкрались к нашим траншеям без выстрела, с шашками наголо, и затем с гиком бросились. Одним из первых был убит командир апшеронского батальона, подполковник Магалов, затем ротный командир Чикарев, его субалтерн Готто, молоденький, задумчивый брюнет, который, помню, в Бендесенах, бывало, придет к моей юламейке, сядет на орудие, что стояло возле, и по целым часам смотрит куда-то вдаль, не отрывая глаз.

30-го декабря текинцы повторили вылазку. Вечером, после заката солнца, слышу, опять поднимаются пушечные раскаты и ружейные выстрелы. Бегу на барбет и застаю уже там генерала Анненкова. Перед нами открывается та же самая картина, что и 28-го декабря: в ночной темноте видим, над крепостью поднимаются точно огненные яблоки и затем быстро летят вниз. Кругом нас высыпавшие из юламеек солдатики вполголоса переговариваются друг с другом и восклицают: «Что-то на этот раз, поможет ли нашим Господь Бог?» –

И т. д. Вторая вылазка была менее удачна для неприятеля, но ему все-таки удалось отбить одно горное орудие и увезти с собой.

Несмотря на вылазки, Скобелев продолжал земляные работы и все ближе подвигался, по траншеям к крепости. К Новому году наш лагерь отстоял от стен не больше как на 600 сажений.

Не забуду я кануна нового 1881 года. Помню, лежу в своей юламейке, время около полуночи. Я перед этим проверял посты, утомился и теперь прилег вздремнуть. Вдруг земля загудела, раздался страшный взрыв, я чуть не свалился с кровати, выбегаю смотреть, что случилось. Казалось, от такого взрыва вся крепость Геок-Тепе должна была взлететь на воздух. Ничего не видно, крутом все тихо. Тут я вспомнил, что генерал Скобелев обещался залпом по крепости из всех семидесяти орудий встретить Новый год. Ну, вот он и встретил!

Все это время погода стояла отличная, такая, как у нас на Севере бывает в начале апреля: днем солнце, тепло, утром и вечером подмораживает. Зима, очевидно, здесь уже прошла, о снеге и помину нет. Зато, случилось, подымался такой холодный, сильный ветер с песком и пылью, что залеплял нос, глаза, уши, и мы не знали, куда от него деться. Такой именно ураган поднялся раз в первых числах января, в самую полночь. Я испугался, как бы в это время неприятель не напал на нас. Уж если, думаю, текинцы могли смять в отряде це-

лый батальон, то что же бы было с нашим укреплением, где посты стояли чуть ли не в ста шагах один от другого. Выскакиваю из юламейки, чтобы пробежать по постам, да куда! – и думать нечего, ветер чуть не сбил меня с ног. Темень сделалась такая, что буквально не видно ни зги. И я, отойдя всего два шага от юламейки, был радехонек, когда ошупью опять добрался до нее. Ураган длился с четверть часа. В юламейке все было засыпано песком. Мелкая пыль пробилась везде, в платье, в дорожные сумы, под подушку, в белье.

К Новому году почти все полевые управления, все интендантские и артиллерийские грузы были перевезены в действующий отряд. В Самурском остался один госпиталь, который все расширялся. Внутренние стены калы заставились шатрами, где помещались раненые. Вместе с другими прибыли в Самурское знакомые мне офицеры, подполковник Гогоберидзе и моряк, капитан Зубов, оба раненные в ноги. Я навещал их каждый день и просиживал целые часы. В особенности понравился мне Зубов: георгиевский кавалер, с виду очень суровый, неразговорчивый, чрезвычайно высокого роста и худощавый; когда сидел, то колени его достигали чуть не до самой груди. Несмотря на такой рост, в Зубове было что-то особенно привлекательное. Когда же я стороной узнал его служебное положение, как он, вследствие несчастного обстоятельства, был разжалован в солдаты и ему пришлось вторично проходить всю службу до капитанского чина и снова заслуживать Георгиевский крест, то Зубов еще

более возвысился в моих глазах. Я смотрел на его суровую, спокойную фигуру, смуглое, загорелое лицо с густыми черными усами, и он представлялся мне идеальным капитаном корабля, который мог в самую сильную бурю, в самую критическую минуту, когда весь экипаж на волоске от гибели, хладнокровно, не изменяясь в лице, распорядиться и отдавать приказания своим сильным басистым голосом.

Странные вещи приходилось иногда видеть на войне, между ранеными: другой, кажется, так легко ранен, что нечего бы и внимание обращать, а через несколько времени, смотришь, человек умирает. Так, помню, еще в Турецкую кампанию был ранен под Плевной казак моей сотни, Андреев, такой здоровый рыжий парень. Когда я взглянул на его рану, то мне даже странно показалось, стоило ли из-за такого пустяка идти в госпиталь: пуля едва скользнула по верхней части ступни, по подъему, и сделала легкий шрам. Что же! – недели через две Андрееву отняли ногу, а через день он умер. Почти то же самое случилось с бедным Зубовым: когда, уезжая из Самурского под Геок-Тепе, я пришел с ним проститься, то он уже ходил с костылем. Я был уверен, что он скоро совсем поправится и еще успеет вернуться к штурму. Каково же было мое изумление, когда дней через 10 я услышал, что Зубов умер; у него, от плохого лечения, сделалось заражение крови.

Всех тяжелораненых из Самурского госпиталя отправляли в Баши. Раз обхожу я транспорт фургонов, нагруженных

ранеными, смотрю – лицо одного унтер-офицера, Ширванского полка, точно знакомо мне.

– Где я тебя видел? – спрашиваю его.

– В Бендесенах, ваше высокоблагородие, я был фельдфебелем охотничьей команды, – весело отвечал тот, приподнимаясь туловищем от повозки, точно и не раненый! – Я очень рад был повидать его и поговорить с ним. У него был сорван пулей большой палец на ноге, – рана, по-видимому, и не особенно тяжелая, но мучительная. Фельдфебель, в свою очередь, тоже рад был видеть меня, и хотя по его бледному лицу иногда и пробегала дрожь от боли, но он все-таки продолжал со мной весело разговаривать и рассказывать, где и как его ранили. Не знаю, поправился ли он, или его постигла та же участь, что и капитана Зубова, и многих других. А жаль если умер – молодец был!

Глава XI

Перед штурмом

В самый Новый год я получил из Геок-Тепе, от заведующего отделением Красного Креста, князя Шаховского, телеграмму: «Отправляется транспорт раненых сто человек, из них три офицера, прикажите приготовить помещение, пищу». «Сколько же останется войск для штурма, если мы уже теперь, при возведении укреплений, теряем чуть ли не ежедневно по сто человек?» – думал я, направляясь от одного доктора к другому, чтобы сделать распоряжение о приеме раненых.

3-го января получаю предписание Гродекова: приготовить как можно больше тур, фашин, а также вырубить где только найдется в окрестностях лес, для устройства штурмовых лестниц. Я немедленно приказал рубить все сады около Самурского, разослал копии с этого предписания ближайшим начальникам сборных пунктов, и через несколько дней все было готово и послано в отряд.

Только что я получил это предписание, как получаю следующую телеграмму: «Командующий войсками, предполагая иметь вас во время штурма при себе, приказал быть в лагере под Геок-Тепе к 9-му января». Так я и сделал: сдал укрепление сотенному командиру оренбургского казачьего

войска, майору Казанцеву, а сам, с небольшой попутной колонной, выступил в лагерь под Геок-Тепе.

Мы шли совершенно спокойно, по торной дороге, проложенной нашими транспортами. Только в одном месте, около Опорной калы, выскочили было на нас текинцы в небольшом количестве, но вскоре скрылись.

Я знал уже из рассказов раненых офицеров довольно подробно, где наши стоят под Геок-Тепе, как они устроились, знал, что наши траншеи постепенно подвигаются к крепости и что весь лагерь находится под меткими неприятельскими выстрелами. Хотя наши и громили крепость из орудий, но сами они не имели покою ни днем ни ночью. Как я все это хорошо ни знал, но мне чрезвычайно интересно было увидеть это самому лично: посмотреть, как и где поместился отряд? Какие вырыли укрепления? А главное, хотелось узнать, чувствовалась ли в отряде уверенность в счастливом штурме. Конечно, думаю, в Самурском мне было бы гораздо безопаснее остаться, но как же бы я потом мог глядеть на Скобелева и на товарищей? Те все участвовали в штурме, а я, в 10-ти верстах, сидел и ничего не видел! Кроме того, в Самурском меня сильно тяготила ответственность, в случае ночного нападения, тогда как в отряде я ни за что не отвечал. Соображая все это, я очень довольный, что сейчас увижу товарищей, и не заметил, как транспорт приблизился к крепости.

Длинные серые стены Геок-Тепе теперь от меня саженях в семистах. На них нигде не видно живого существа. Теперь

уже не то, что во время прежних рекогносцировок, когда стены бывали покрыты мохнатыми папахами, точно громадным меховым воротником. Очевидно, неприятель не может безнаказанно высунуться из-за стены. Она так длинна, что дальний конец ее незаметно сливается с песчаным горизонтом.

Но вот и наш лагерь. Он был не дальше, как в версте от крепости и поражал своей скученностью. Серые войлочные юламейки, врытые в землю, чтобы представить меньше цели для неприятеля, так плотно стоят одна около другой, что издали их трудно различить. Вдоль всей передней линии лагеря тянется длинная траншея. Ее гребень почти совершенно прикрывают юламейки.

Транспорт направляется через лагерь к интендантским складам, а я слезаю с лошади, сдаю ее своему казаку. А сам направляюсь искать Скобелева. Чтобы добраться до него, нужно пройти весь лагерь. Людей что-то не видно. Они, должно быть, все находятся в юламейках. Изредка кое-где солдатик выбегал наружу за каким-либо делом и затем снова вприпрыжку возвращался к себе.

Что бы это значило, думаю, такое безлюдье? В эту минуту с визгом пролетает пуля и ударяется около лошадей, привязанных позади одной юламейки. Вот оно что значит! Ведь здесь не в Самурском. И я поскорей спускаюсь в траншею и направляюсь по ней искать командующего войсками. Дорогой мне очень хотелось хорошенько рассмотреть стены Геок-Тепе, но вал траншеи скрывал, и чтобы увидеть их, нужно

было искать места, где гребень траншеи пообвалился. Вот я дошел до такого места, гляжу, кругом серо и мрачно. Стены видны теперь гораздо яснее. С них то тут, то там, поднимаются синеватые дымки и раздаются сухие резкие выстрелы. Вправо и влево от меня тянется серая глинистая равнина, перерезанная в разных направлениях нашими траншеями. Гребни их тянулись бесконечными сероватыми змеями. Кругом все было безжизненно, только сквозь обвалившиеся верхушки траншей мелькали солдатские кепи.

Я уже порядочно далеко отошел по траншее от лагеря. Солдат, который указал мне путь, не предупредил меня, что генерал поместился так далеко, а только сказал: «Вот, ваше скоблагородие, пожалуйста ефтой траншеей, тут и увидите генеральскую кибитку, тут рядом и начальник штаба живет».

Отошел еще немного, вижу: рота солдат расположилась в небольшом углублении, возле траншеи; немного дальше виднелась просторная кибитка командующего войсками, обнесенная со стороны неприятеля мешками с провиантом.

Немного далее виднелись конвойные осетины. И солдаты, и осетины, видимо, свыклись с окружающей обстановкой и чувствовали себя здесь как дома. Около кибитки генерала стоял воткнутый в землю значок. Дверь в кибитку отворена, я вхожу в нее. Генерал, пальто в рукава, сидит и что-то пишет.

– А-а-а, здравствуйте, Верещагин. Ну, что думали ли вы застать нас в таком грустном положении? – восклицает

он, здороваясь. – Скобелев все еще был под впечатлением несчастных для нас вылазок текинцев.

– А все-таки мы возьмем крепость! – говорю я генералу, желая развеселить его сколько возможно. В это время входят еще несколько офицеров, приехавших из Самурского вместе со мной. Скобелев вступает с ними в разговор, а я, откланявшись, иду обратно в лагерь.

11-го января, т. е. накануне штурма, весь лагерь был заметно в лихорадочном движении. Скобелев беспрестанно проходил мимо наших юламеек. Команды солдат, совершенно невидимые для неприятеля, сновали взад и вперед по траншеям с турами, фашинами, штурмовыми лестницами и носилками. Так как я приехал под Геок-Тепе всего за два дня до штурма, то мне не пришлось рассмотреть хорошенько ни лагеря, ни укреплений.

Раз я пошел навестить моего раненого товарища Яблочкова, который лежал в одной из юламеек Красного Креста.

Маленькая площадка, где стоял Красный Крест, была защищена от неприятельских выстрелов довольно высокой стенкой, сложенной из мешков с провиантом. Я захожу к Яблочкову. Он лежит на постели, в халате, и слабо стонет. Подле него сидит молоденькая сестра милосердия. Яблочков так похудел, что я чуть было не вскрикнул. А ведь всего три недели как его ранили. Сразу было видно, что он не жилец на белом свете. Пуля повредила ему легкое, и он харкал кровью. (Он вскоре и умер).

Яблочков страшно, безжизненно смотрит на меня, и с каким-то отчаянием протягивает свою исхудалую пожелтелую руку. Мне всегда казалось на войне, что в умирающем развивается эгоизм, точно ему досадно смотреть на всякого здорового человека.

– Воды! – тяжело шепчет Яблочков и с трудом приподымается. Я смотрю, только длинная русая борода его одна не изменилась, и все такая же красивая. Добрые голубые глаза куда-то далеко ушли в орбиты и потеряли свою живость. Вид раненого был страшен. Сестра милосердия наклоняется со стаканом. Яблочков уцепляется за него костлявыми пальцами, и повиснув в таком положении, начинает тяжело, продолжительно, сухо откашливаться, причем старается ни на кого из нас не смотреть.

Как ни хотелось мне остаться и побыть с ним, но это было выше моих сил. Я тихонько выхожу и с тяжелым сердцем направляюсь к себе в юламейку, раздумывая о том, не придется ли и мне завтра лежать в таком же положении?

А стены Геок-Тепе все также грозно выглядывают на пасмурном горизонте, и точно хотят сказать собравшемуся около них русскому войску: «Попробуй, попробуй, – посмотрим, чья возьмет!»

Глава XII

12-е января. Штурм

Было за полночь, когда наш маленький отряд, состоящий из одного батальона Самурского полка, команды охотников, 5-ти орудий и сотни казаков, под начальством подполковника Гайдарова, выступил из лагеря в обходное движение. Задача отряда заключалась в том, чтобы занять маленькую калу, находившуюся в полуверсте от северо-западного угла крепости. А главное, чтобы всем этим движением сколько возможно отвлечь на себя внимание и силы неприятеля. Одним словом – обмануть его. Я находился при этом отряде и должен был, в случае убыли Гайдарова, занять его должность. По нашему выступлению, главные силы должны были сколь возможно незаметно для неприятеля сосредоточиться против юго-западного угла крепости, под который наши инженеры две недели с великим трудом вели подкоп и наконец заложили сто пудов пороху.

Мы подвигались совершенно тихо. Луна тускло освещала путь. Отойдя версты три на северо-запад, мы остановились ждать рассвета.

Утро наступило теплое, пасмурное. Какая-то мгла мешала рассматривать черневшие на горизонте длинные стены Геок-Тепе. Наш отряд снимается со своей стоянки и быстро дви-

гается напрямиком на мельничную калу.

Хоть и пасмурно, а неприятель заметил нас, и все мы ясно видим, как он густыми темными массами бросается по стенам к углу крепости, выходящему к мельничной кале. Несмотря на их сильный ружейный огонь, мы подаемся еще немного и останавливаемся саженьях в четырехстах, на открытой песчаной равнине. Орудия выстраиваются и отрывают огонь по мельничной кале, из-за которой ясно виднелся угол крепости, сплошь усеянный темными фигурами текинцев с различным дрекольем в руках. В это время со стороны наших главных сил не было заметно никакого движения. Мгла заволокла даже тот угол, где наши должны были скопиться. Я стою с поручиком Ушаковым (его Скобелев тоже назначил на время штурма в распоряжение Гайдарова), и мы наблюдаем за стрельбой. Вот одна граната ловко попадает в тонкую стенку калы, пробивает ее и образует в ней как бы окошко. Оно стало ясно просвечивать на горизонте.

Пехота казалась какою-то серою в этот день и подходила под цвет окружающей природы. Она стоит, выровнявшись, поблизости, держа ружья у ноги. Солдаты втихомолку разговаривают и переминаются с ноги на ногу. Низенький, коренастый, смуглый Гайдаров, пальто в рукава, подтянутый ремнем, при револьвере, через плечо шашка, на шее болтается толстый револьверный шнур, стоит и спокойно посматривает то на стены калы, то на крепость, то на орудия. Оглянется на своих солдат и опять смотрит, как стреляют из ору-

дий. Наконец, он оборачивается ко мне и говорит: «Вы переведете артиллерию вон против левой стороны калы, а я пойду». — И сказав это, он горячо жмет мою руку и решительно направляется к ротам. Те, заметив начальника, быстро выравниваются, офицеры бегут к своим местам. Гайдаров что-то командует, обнажает шашку, оборачивается и скорым шагом ведет их к мельничной кале. Офицеры тоже обнажают шашки, дорогой изредка оборачиваются к людям и равняют ногу. В это время текинцы открывают на нас чрезвычайно сильный огонь. Я уже не видал той минуты, когда наши бросились в атаку на калу, так как садился на лошадь, чтобы ехать и передать батареинному командиру приказание Гайдара. Помню только, что когда я пустился вскачь, смотрю: Ушаков, который стоял невдалеке, падает, раненный. К нему подбежали с носилками и понесли в тыл отряда. Мне ужасно стало жалко Ушакова, и я чуть не заплакал. Когда я подскакал к мельнице, Гайдаров с ротами находился в той самой кале, которую только что перед тем наша батарея так старалась разрушить. В настоящую минуту кала очень пригодилась. Солдаты под защитой стен спокойно стоят и стреляют. Я слезаю с лошади, тоже становлюсь около стенки и с живейшим любопытством смотрю в маленькую трещину, на Геок-Тепе. Крепость от меня теперь очень близко, саженей двести. В это время начинает громить стены крепости наша артиллерия. Залпы орудий так и потрясают воздух. Неприятель видит, что дело плохо. Вон по рву, что тянется под са-

мыми стенами крепости, целыми вереницами крадутся одиночные текинцы.

Вдруг земля задрожала, раздается страшный гул. Черный, громадный столб песку и дыму взвивается к небу. До нас доносятся крики: «Ура-а-а!»

Подкоп взорвало. Часть стены взлетела на воздух. Скобелев и пять тысяч наших солдат должны быть уже на стенах Геок-Тепе. Наш маленький отряд необыкновенно воодушевляется и, прикрытый стенами калы, яростно вторит далекому «ура».

– Рота, пли! – сколько есть силы командует возле меня осипшим голосом длинный тощий ротный командир, с лицом, изрытым оспой. Шеренга солдат в шинелях в рукава, высовывается на мгновение из-за стенки, дает залп по крепости и тотчас же прячется обратно, причем изо всех сил орет: «Ура-а-а-а!»

«Рота, пли!.. Рота, пли!.. Рота, пли!..» – только и слышатся позади меня команды охрипших ротных командиров. В это время, смотрю, под стенами крепости, во рву, начинают скопляться толпы текинцев. Их согнутые спины, коричневые халаты и мохнатые шапки теперь можно хорошо рассмотреть. С ружьями в рукавах, они с ужасом озираются по сторонам и скрываются в каком-то овраге! Вон еще толпа показывается. Эта еще больше. Текинцы уже не крадутся, а просто бегут из крепости, побросав оружие.

– Эх, кабы сюда горную пушку, так сразу можно бы уло-

жить штук с полсотни! – с досадой кричу я. Сзади кто-то из офицеров подхватывает мое восклицание и посылает сказать Гайдарову. Орудие подвозят, ставят дулом в проломанную стенку и стреляют вдоль рва, где все больше и больше скапливается текинцев. В крепости, очевидно, уже наступила паника, и жители в страхе покидали свою твердыню.

– Эх ведь, стерва, маленькая, а как рванула! – ворчит один солдатик, который, полагая, что такая маленькая пушка не могла громко выпалить, не остерегся. – Оглушила, подлая! – И, прикрыв ухо ладонью, он пробирается между усевшимися на землю солдатами, подальше от орудия.

Наконец, и наш отряд выбегает из калы и направляется по сыпучему песку к крепости. А там, на стенах, уже виднеются русские знамена. Вот добежали мы до рва. Глубины он аршина полтора, но довольно широк. На дне его валяются трупы, все текинские, в разнообразнейших позах. Вон один с седой бородой лежит на спине с раскинутыми руками. Колени согнуты. Желтый халат распахнулся, и за ним виднеется грубая белая рубаха. Чем ближе к стенам, тем больше трупов. Команда охотников первая подставляет к стенам лестницы, которые солдаты тащили с собой, и мы все быстро взбираемся наверх. Батальонное знамя, воткнутое в глиняную стену, захлопало по ветру своим полотном.

– Ура-а-а-а! Ура-а-а-а! – кричим мы, вне себя от восторга. Стены высоки, сажени три, да и ширины такой же. Я жадно вглядываюсь вовнутрь крепости.

Боже, что тут творится!

Первое, что меня поражает, это отсутствие каких бы то ни было построек, тогда как я думал встретить здесь различные дома. Укрепления, завалы, редуты и т. п. Вся крепость представляет площадь около трех квадратных верст. Она чернеет от множества закоптелых войлочных кибиток, тесно поставленных одна возле другой. Куда ни взглянешь, повсюду валяются трупы людей, лошадей, верблюдов, ослов, собак, коров. Толпы женщин, закрывшись черными покрывалами, в ужасе перебегают от одной кибитки к другой, волоча за собой своих беспомощных ребятишек. Повсюду наши солдаты преследуют неприятеля. Стоны раненых, визг и крик женщин, плач детей, рев животных, крики: «Ура! Алла!», гром орудий – все это слилось в один неопределенный, страшный гул. Мне казалось, что я вижу картину страшного суда. Только Императорский штандарт, развевавшийся на высоком кургане, напоминал мне о действительности.

Глава XIII

После штурма

Так вот оно, штука-то какая! Значит, наша взяла, и поход наш кончен! – с радостной, спокойной душой думаю я, и все с большим интересом всматриваюсь в эту, хотя и страшную, но удивительно интересную картину. Я вижу перед собой полнейший погром дикого народа, который многие годы наводил ужас на всю соседнюю Азию. Он бежит, побросав все и вся.

Пока я стоял и рассматривал, оглядываюсь – и с досадой вижу, что всех тех, с кем я прибежал сюда, уже нет! Они ушли. Где их искать? В это время мимо меня бежит знакомый молоденький, хорошенький прапорщик Апшеронского полка. В левой руке его виднеется обнаженная сабля, в правой – револьвер. В сопровождении толпы солдат стремился он, веселый, счастливый, весь раскрасневшийся, догнать текинцев. Фуражка его с красным околышем прострелена пулей, как раз над кокардой. Прапорщик, видимо, гордился таким наглядным доказательством отличия и нарочно так расправил фуражку, что дыра на ней виднелась издалека.

– Г-н майор, пойдёмте вместе! – кричит он мне. Что же, думаю, оставаться тут одному, пожалуй, еще какой-нибудь текинец из-за угла застрелит. Лучше пойду с другими. Гай-

даров, верно, к кургану побежал. И я спускаюсь со стены бегом, прыгаю через ямы, опрокинутые кибитки, чувалы⁶ с пшеницей, просом, джугурой и, наконец, догоняю апшеронцев. Они идут цепью, точь-в-точь как на облаве зверя. По пути заглядывают в кибитки, в землянки. Переворачивают громадные мешки с разной провизией, хлебом, зерном и везде ищут живого существа.

В стороне, за большой, совершенно новенькой белой кибиткой, заметны фигуры двух солдат с синими околышами. Они спорят между собой из-за текинского мальчика, лет четырех. Один хочет заколоть ребенка, другой не дает, хватается за штык и кричит:

– Брось, что малого трогать – грех!

– Чего их жалеть? Это отродье все передушить надо, мало что ли они наших загубили! – восклицает солдат и замахивается штыком. Завидя нас, они оба скрываются между кибитками, а мальчишка уползает в какое-то отверстие в земле. Таких отверстий или нор я нашел потом множество по всей крепости. Под конец осады текинцы стали спасаться от наших бомбардировок в землянках, наподобие тех, какие роют кроты.

И вправо, и влево, повсюду видны солдаты. Все они разбрелись кучками, человека по три, по четыре, снуют из кибитки в кибитку, из землянки в землянку, и роются в них, конечно, не без предосторожностей. Сначала лезет в землянку

---

⁶ Мешки.

ку один, другие же остаются наверху и караулят, чтобы на них не напал врасплох неприятель. Пули изредка все еще продолжают посвистывать над покинутой крепостью.

Вон партия солдат, человек 5–6, подходит к одной землянке. Она представляет собой как бы берлогу и помещается под землей, только круглое отверстие или вход в нее чернеет издали. Из землянки доносится чей-то плачь. Солдаты останавливаются, наклоняются, прислушиваются, толкуют между собой, просовывают в отверстие ружья и стреляют в темноту, на голос. Крики сначала замирают, но затем усиливаются. Солдаты хохочут, дают еще несколько выстрелов и, по видимому, совершенно довольные, двигаются дальше.

Навстречу им, тихонько пробираясь между опрокинутыми кибитками, разоренными землянками, разбросанной домашней рухлядью и хламом, тянется длинная вереница кубанских казаков. У каждого из них в руках по ребенку, а у некоторых и по два. Малютки, в крошечных тубетейках на головах, в страхе жмутся к своим суровым охранителям.

Не доходя до кургана шагов сто, вижу, сидят между кибитками несколько женщин в черных капюшонах. Они, точно обезумевшие, поглядывали по сторонам. Между ними были две-три хорошенькие, хотя сильно нарумяненные, остальные же старые и очень некрасивые. Это, вероятно, был остаток какого-нибудь гарема. Их в тот же день, вместе с другими женщинами, начальство выпроводило из крепости и отдало под особый присмотр.

Но вот мы добрались до того самого кургана, в который я столько раз всматривался в бинокль. Он имеет вид конуса, саженой десять вышины. Бока его все покрыты телами текинцев. Взбираюсь на вершину и подхожу к знаменитой пушке, из которой текинцы, несмотря на нашу ужаснейшую канонаду из семидесяти орудий, все-таки настойчиво продолжали стрелять до конца штурма. Пушка бронзовая, калибра так около 4-х фунтов, она поставлена на безобразнейший деревянный лафет.

С вершины кургана видно очень далеко. К востоку, в песках, точно громадный муравейник, рассыпалось все население Геок-Тепе. Они бегут, побросав не только что имущество, но и малых детей. А Скобелев не зевает: с дивизионом драгун и несколькими сотнями казаков он уже близехонько скачет по следам беглецов. Верст двенадцать преследуют их: колят, рубят и стреляют. Пощады нет никому. По песчаной желтой равнине сотни тел резко указывают дорогу, где бежал неприятель. Как на кургане, так и кругом его в крепости, куда ни взглянешь, повсюду виднеется множество различных трупов. Некоторые из них, очевидно, давно здесь лежат и уже предались гниению. Воздух так пропитался запахом разлагающихся тел и какой-то удушливой гарью, что с души воротило. наших убитых я что-то еще не вижу. Впрочем, вон один лежит на самом скате кургана, покрытый каким-то куском полотна.

Я беру бинокль и осматриваю крепость. День немного

разъяснился. За стенами Геок-Тепе, к югу, изредка виднеются невысокие деревья и глиняные калы.

Внутри крепости, у подошвы кургана, происходит что-то вроде торга. Толпы солдат стаскивают сюда разные разности. В их руках видны: ковры, мешки, одежда, посуда, оружие. Спускаюсь вниз. Здесь оказывается совершенная ярмарка. Вон идет солдат, фуражка с черным околышем. На одном плече у него ружье, а на другом – превосходный текинский ковер. Согнувшись немного под тяжестью ковра, солдат предлагает его желающим купить.

– Ваше благородие, не угодно ли? – говорит он своему же офицеру.

– Что ты хочешь за него? – спрашивает молодой, красивый офицер, с только что пробивающимися усиками. Он подходит к солдату, несколько сконфуженно осматривает ковер и шупает доброту.

– Пять монет, ваше благородие!

Офицер лезет за кошельком, достает пятирублевую бумажку и подает солдату. Тот, очень довольный, сбрасывает прелестный ковер прямо в песок, прячет деньги и, перекинув ружье с левого плеча на правое, идет за новой добычей.

Тут только я услышал, что Скобелев отдал крепость на произвол своих солдат в продолжение трех дней. Покупателей-офицеров скопляется множество, а продавцов еще больше.

Другой солдат, артиллерист, нацепил на руку великолеп-

ную текинскую уздечку, украшенную серебром и сердоликом. Он толкается между товарищами и ищет покупателя. Казаки, один перед другим, пытаются купить ее. Но хозяин, видя, что вещь хороша, ломит, должно быть, слишком дорого. Казаки один за другим подходят к нему, ругаются и отходят прочь.

– Что хочешь, эй, артиллерист? – кричу я и машу ему.

– Пятнадцать монет, ваше высокоблагородие!

– Десять!

– Пожалуйте.

Я подаю деньги и беру уздечку. Работа уздечки мастерская. Все ремни выложены мельчайшими фигурными украшениями и с таким вкусом, что залюбоваться можно.

И чего только нельзя было купить в этот день у кургана: и ковров, и одежд, и оружия, и сбруи и т. д.

Я накупил порядочно разных разностей. Сдаю все одному знакомому осетину, чтобы он отнес в мою юламейку, а сам снова взбираюсь на курган. Смотрю в бинокль и вижу: очень близко, между кибитками, стоит текинский конь-аргамак. Красавец, буланой масти, совсем оседланный: садись, да и трогай! Ну, думаю, уж его я не упущу. Надо взять. Хозяин, верно, убит, и если я коня не возьму, так другой кто захватит. Замечаю направление, спускаюсь с кургана, прохожу несколько кибиток и останавливаюсь.

Никаким пером невозможно описать, что тут мне представилось. Груды умерших и умирающих людей перемеша-

лись с животными и загоразивали путь. Толпы женщин и детей взывали о помощи. Сердце мое сжалось при виде этого, и я, точно ошеломленный, поворачиваю назад, совершенно забыв о лошади.

Вдруг передо мной человек пять солдат вбегают в большую, прокоптелую кибитку, обмотанную какой-то шерстяной тесемкой, навстречу им выскакивает из кибитки громадного роста старый текинец, с небольшой седоватой бородой. За распахнувшимся желтым халатом виднелась грязная рубашка. С обнаженной шашкой в руке, старик так яростно набрасывается на солдат, что те разбегаются в стороны и некоторое время остаются в недоумении. Но вот один, должно быть, посмелее, кидается и тычет текинца в бок острым штыком, примкнутым к тяжелому ружью. На бледном лице старика мгновенно появляются ужас и страдание. Рот судорожно раскрывается и показывает ряд белых зубов. Старик как-то взвизгивает, лепечет что-то по-своему и все с той же яростью отмахивается шашкой. В эту минуту на него набрасываются остальные солдаты и вонзают штыки куда попало. Текинец, мертвый, опрокидывается на спину. Тяжелая, белая папаха катится с головы и ложится поблизости.

Эта картина, признаться, покорила меня. Я с содроганием прохожу мимо бравого старика, который отстаивал свое родное гнездо, и снова иду к кургану. Здесь встречаю моего казака с лошадыю. Сажусь и еду вдоль крепости в лагерь.

Посреди Геок-Тепе была небольшая площадка, образовавшаяся, вероятно, вследствие того, что отсюда, как с места, куда все чаще падали снаряды, все кибитки были снесены прочь, ближе к стенам. Здесь меня галопом обгоняет Скобелев вместе с Гродековым и конвоем осетин. Он останавливает коня и кричит мне:

– Верещагин, вы назначаетесь комендантом этой крепости. Извольте взять ее в свое распоряжение и следить, чтобы не происходило никаких безобразий. – Затем подталкивает шпорой коня и тем же галопом направляется дальше. Только что он скрылся из виду, как мне попадает киргиз, состоящий в конвое генерала. Он держит что-то на седле, подолой своего кафтана.

– Это что у тебя? – спрашиваю я.

– Купи, майор, – мямлит он.

Я рассматриваю. Это было что-то вроде нашего женского кокошника, только гораздо выше и шире. С наружной стороны он весь вышит различными шелками и разукрашен различными фигурными, серебряными, золотыми украшениями и монетами.

– Сколько хочешь? – спрашиваю его, весь взволнованный от желания приобрести такую интересную вещь.

– Тридцать монет, майор!

– Полно врать, двадцати довольно!

Киргиз соглашается, я отдаю деньги и, совершенно счастливый, еду к себе в юламейку.

Между тем лагерь переносили на другое место к западной стороне крепости и разбили, так в полуверсте от стен. Когда я приехал в лагерь, то людей в нем нашел очень мало. Все они находились еще в крепости и рассматривали ее, хотя гулять по ней было небезопасно: там беспрестанно раздавались ружейные выстрелы. В некоторых землянках еще сидели вооруженные текинцы и отстреливались от наших солдат.

* * *

Вся крепость в отношении надзора за порядком была разделена на две половины: Восточной начальствовал капитан Маслов: он устроился на самом кургане. Западной заведовал я. Гарнизон мой на первое время состоял из нескольких рот пехоты, сотни казаков и четырех орудий. В тот же вечер я забрал из лагеря мои вещи, сел на лошадь и в сопровождении казака отправился комендантствовать в Геок-Тепе. Я разыскал себе между текинскими кибитками одну очень хорошую и приказал ее поставить на площадке между пехотой и артиллерией, недалеко от того места, где была взорвана стена.

Наступила ночь. Я долго не мог заснуть. Мне все казалось, что вот текинцы вернутся из песков, соединятся с теми, которые засели в землянках, и бросятся на нас.

В полночь выхожу посмотреть, что делается кругом. Ночь не особенно темная. Кое-где сквозь беловатые облака проглядывало звездное небо. Погода теплая. Часовой ходит воз-

ле моей кибитки с таким равнодушным видом, точно ему решительно все равно, где шагать: здесь ли, в Геок-Тепе, или дома, на Кавказе, в какой-нибудь Темирхан-Шуре. Кругом меня горит множество костров. Тучи искр поднимаются к небу. Это солдаты жгут трупы и всякие нечистоты. Пока смотрю так, подъезжает казачий патруль, он ездил по крепости, для порядка.

– Ну, что все благополучно? – спрашиваю урядника.

– Так точно, ваше высокоблагородие. Только серединой и можно ехать, а там чуть в сторону, между кибитками, такая трущоба, что ни пройти, ни проехать! Все ямы, землянки; все завалено трупами, одна страсть!

– А часовых от пехоты видел?

– Так точно, и по этой стене стоят, и там стоят, – говорит он успокоительным тоном и показывает рукой. Я отпускаю его. Через четверть часа около моей кибитки собирается новый казачий разъезд и опять отправляется ездить по крепости.

Я иду к себе и ложусь на текинский ковер, который только что перед этим купил у одного солдата за три рубля. Один конец этого ковра оказался весь в крови. Чтобы сколько-нибудь спастись от трупного запаха, проникавшего снаружи в кибитку, я закрываюсь с головой одеялом, буркой и наконец засыпаю.

Часов 6–7 утра. Выхожу из кибитки, смотрю: в нескольких шагах от меня, на утопанной площадке, солдаты-артилле-

ристы расстилают превосходные текинские ковры, один другого лучше. Батарейный командир, маленький, худенький, косой, одетый в шведскую куртку, ходит от ковра к ковра и с сердитым, деловым видом рассматривает их, щупает, некоторые приказывает поднять на свет, чтобы освидетельствовать, не прострелен ли, затем велит убирать. Я подхожу к командиру, здороваюсь с ним и говорю:

– Славные ковры, полковник, где это вы достали такие?

– Да, ничего себе, коврики порядочные! – сухо отвечает командир и, точно испугавшись, чтобы я не стал у него спрашивать их, сердито кричит людям:

– Ну что же вы копаетесь? Сказано убирать! Да складывай хорошенько! – И он тычет одного солдата в бок за то, что тот не расправил угол у ковра. Солдаты бережно складывают их и несут убирать в открытые зарядные ящики.

В это время проносится мимо меня, из лагеря, на лихом рыжем иноходце, подбоченясь, старый, еще крепкий офицер, один из начальства. Длинные седые усы развеваются по ветру. Косматые, щетинистые брови совсем нависли на быстрые серые глаза. Офицер весь как-то изогнулся, сидит бочком, часто проводит рукой по усам, и, очевидно, бьет на эффект. Человек пять, шесть казаков, его конвой, скачут за ним в карьер.

– Э-то что такое?! – слышу я крик старого начальника. – Грабить! Знаешь, что вашему брату за это бывает!.. В плети его! – кричит он конвойным казакам. Те наскაკивают на ка-

кого-то солдата и замахиваются плетками.

– Сложить сейчас тут все! – Солдат кладет к ногам мешок с чем-то.

– Казак! Слезай! Становись тут! И караулить у меня этот мешок пуще глаза, пока я не пришлю за ним из лагеря! Ска-зав это, начальник еще раз грозно оглядывает солдата, про-водит рукой по усам и, как пуля, несется вдоль крепости к кургану. Солдат смотрит ему вслед, чешет в затылке и тихо-нечко идет обратно – шарить по текинским кибиткам.

Я подхожу к казаку, чтобы узнать, какие вещи находятся в мешке. Оказывается, там лежат различные женские сереб-ряные украшения, браслеты, ожерелья, серьги, разные моне-ты и тому подобное.

Только я пришел к себе в кибитку, смотрю, усатый офи-цер летит назад. Весь, как черт, изогнулся. Папаха на затыл-ке. Иноходец так и расстиляется под ним. Конвой едва-едва поспекает вскачь. Вот он уже совсем близко.

– Казак!! С мешком!! За мной!! – слышен его крик, – и старый начальник несется дальше. Вдруг он осаживает коня и как вкопанный останавливается. Что такое случилось?

– Под ко-зы-рек, милостивый государь! Под ко-зы-рек! – кричит он старческим дребезжащим голосом и весь трясется от злости. Лицо снова принимает грозное выражение.

Я подхожу ближе, смотрю: перед ним стоит молоденький военный доктор. Ничего не подозревая, доктор шел себе ми-мо в раздумье и совсем не обратил внимания на офицера,

который, очевидно, надеялся поразить каждого своей осанкой и фигурой.

– Я... господин офицер... не обязан отдавать чести! Я... не военный человек... я доктор! – оправдывается тот и сконфуженно подносит руку к козырьку.

– Как не обязаны?! Обязаны, сударь, обязаны!! Вы на службе состоите! – кричит старик, кипящаясь все более и более, и уже чуть не готов крикнуть: «В плети его!» – В эту минуту я подхожу к нему.

– А-а-а, дорогой мой, здравствуйте! – восклицает он, уже другим голосом. Гнев его моментально исчезает. Он начинает обнимать меня и затем с пафосом восклицает:

– А! Каков Михаил Дмитриевич! Ге-ни-аль-ный человек!! И как бы в доказательство своего величайшего благоговения к Скобелеву склоняет голову несколько набок и трясет ею. Затем выпрямляется и, указывая рукой на тысячи кибиток, торжественно, с расстановкой, говорит:

– Только он, Михаил Дмитриевич Скобелев, мог взять их! Великий маг и чародей! – Я хорошо понял, что этот господин говорил эти слова, надеясь на то, что авось я их передам генералу.

– Зайдемте ко мне, чайку выпьемте! – предлагаю ему.

– Не могу-у-у, батюшка, не могу-у-у! – вот дела, по горло! – восклицает он и тычет пальцем на орден, что висел у него на шее. Вдруг, как бы вспомнив что-то необычайно важное, старый служака озабоченно жмет мою руку, хмурит гу-

стые брови, поворачивает коня и, взмахнув над головой плетью, как ураган, выносится за крепость вместе со своим конвоем.

– Что он, шальной, что ли какой? – ворчит молоденький доктор.

С той минуты, как на него обрушился старик, доктор стоял возле нас, не смея шелохнуться.

– Не знаю, он всегда кажется такой, – говорю я.

Доктор прощается со мной и, задумчивый, продолжает свой путь.

* * *

На другой же день, по взятии штурмом крепости, сюда толпами устремились соседние жители, курды. Противнее и наглее народа я не встречал. Узнав, что текинцы побиты, они пришли грабить их имущество. Будь побеждены русские, курды точно с той же яростью бросились бы и их преследовать. Это были настоящие шакалы в образе человеческом. Целый день с утра и до вечера они рыскали по крепости из кибитки в кибитку, из землянки в землянку, с громадными мешками за спиной. Грабили и хватали все, что попадало им под руку. Сначала курдам позволено было являться в крепость. Но их застали в разных зверствах и насилиях над текинцами: они вырывали с мясом серьги из ушей женщин, отрубали им кисти рук, чтобы снять браслеты. Тогда Скобелев

строго запретил им вход в Геок-Тепе. Но несмотря на бдительность сторожевых казаков, как, бывало, ни поедешь по крепости, все где-нибудь да встретишь между кибитками согнутую под громадным мешком разбойничью фигуру курда.

Вскоре под стенами крепости образовался базар, куда съехались грузины, армяне, евреи, персы, курды и разные другие народы скупать текинское добро.

* * *

Не прошло недели, как уже я совсем свыкся со своим положением и, несмотря на душливый трупный запах, чувствовал себя в крепости как нельзя лучше.

Время около полудня. Погода прекрасная, солнечная и такая теплая, что я сижу возле кибитки в одном летнем бешмете. Ко мне подходит толпа текинцев, одни мужчины. Жены их остались с верблюдами несколько позади, около кибиток.

Какой все красивый народ текинцы! Какие у них правильные черты лица! Одеты все в халатах, без оружия. Один из них такой высокий, что я должен смотреть на него совершенно задрав голову. Вот, думаю, этакий махнет шашкой – пополам перерубит! Текинцы довольно гордо останавливаются против меня и начинают что-то говорить по-своему, причем указывают на кибитки. Они пришли за своим имуществом.

– Эй, урядник! – кричу я. – Из соседней кибитки выбегает казачий урядник и направляется ко мне.

– Отдай что им там нужно! – Текинцы гурьбой идут за урядником, гортанно переговариваясь между собой.

Как-то вечером я сижу в своей кибитке. Передо мной вдоль стен сидят, поджав ноги, текинские ханы и предводители, в ярких синих и красных халатах, пожалованных им Скобелевым, как только они явились к нему после штурма с повинной головой. У некоторых на груди висят медали «За усердие». Я потчую моих гостей кофеем и табаком. Все они только что перед этим разыскивали по крепости свое имущество, а затем зашли ко мне побеседовать. Впоследствии они часто так заходили. Я очень рад был поговорить с ними, хотя, конечно, через переводчика. Текинцы оказались таким умным и сметливым народом, что я с удовольствием слушал их интересные рассказы.

Один смуглый старик низенького роста, немного горбатый, очень широкий в плечах, в ярко-синем халате и с медалью на груди, заметно пользовался особым уважением прочих текинцев. Длинная черная борода его с проседью закручена в два длинные жгута. Старика зовут Ехти-Кули-хан. Я разговариваю с ними через молоденького переводчика-армянина, одетого в черкеску. Между прочим, из их разговоров я узнаю, что все соседние народы у текинцев были разделены между собой для грабежей. Куда один хан делал набег, туда другой уже не совался со своей шайкой и знал только свое место.

Я расспрашивал их о разных разностях и, между про-

чим, спросил, что им больше всего наносило вреда во время осады? Оказалось – наши старинные мортирные бомбы. Как известно, текинцы последнее время осады прятались в ямах или в землянках. И вдруг в такую яму, где сидело целое семейство, а иногда и несколько, падала бомба. Прежде чем разорваться, она начинала шипеть, вертеться и, наконец, с треском разрывалась. Конечно, живых в яме оставалось немного.

Во время этого разговора мне пришло на мысль спросить, не могут ли эти господа «аламанщики», как их называли у нас в отряде (аламан значит – набег), указать мне, где бы я мог достать лучшего текинского коня-аргамака.

– Эй, послушай! – говорю я переводчику, который сидел возле старика и, вместо того чтобы потчевать гостя, сам заимствовал от него табаком и крутил себе папироску.

– Чего изволите, ваше благородие? – говорит тот своим армянским акцентом.

– Скажи им, что мне хочется приобрести коня, да такого, чтобы у самого персидского шаха лучше не было, понимаешь?

– Понимаю, ваше благородие, понимаю! И он что-то долго толкует гостям, причем размахивает руками и часто восклицает: «Чок якши» (т. е. очень хороший). Во время этого длинного объяснения текинцы часто посматривают на меня, как бы желая убедиться, серьезно ли я этого желаю или шушу. Но видя, что я остаюсь серьезным и жду их ответа, глу-

бокомысленно покачивают головами и искоса поглядывают друг на друга.

Но вот переводчик кончил. Старики и все остальные начинают оживленно толковать между собой. Беспреданно слышны имена разных «оглы», «сардар» и т. п. Наконец, старый Ехти-Кули-хан, переговорив со своим соседом, таким же старым, как и он сам, дотрагивается слегка пальцами до колена переводчика, желая еще более этим усилить его внимание, и с необыкновенным азартом начинает что-то толковать ему. При этом старик часто проводит ладонью по жгутам своей косматой бороды. Ехти-Кули-хан говорил с таким желанием мне угодить, так очевидно старался и жестикулировал, что, окончив свое объяснение, он точно удивился, как я мог еще слушать переводчика и сразу не понять его рассказа.

– Ваше благородие, – начинает переводчик. – Они говорят, что если один ихний человек еще не ушел в Мерв, то его конь будет самый лучший в оазисе. Конь гнедой, задняя левая нога, вот здесь около копыта, белая! И переводчик указывает на своей ноге около ступни.

– Почему же эта лошадь самая лучшая, спроси их! – говорю переводчику. Тот опять обращается к гостям, долго толкует с ними, причем Ехти-Кули-хан опять что-то с жаром объясняет и наконец обращается ко мне и говорит:

– Они, ваше благородие, сказывают, что прежде, пока русские не приходили, у них бывали скачки из Казил-Арвата

в Геок-Тепе. Скакало разом лошадей 20–30. Выезжали из Кизил-Ар-вата с восходом солнца, и кто первый приезжал в Геок-Тепе в тот же день до заката солнца, тот получал награду, верблюдов 5–6, а то и 10. Этот конь, о котором они толкуют, три раза первым прискакивал и получал награды. – Пока переводчик мне переводил это, старик Ехти-Кули-хан, по выражению моего лица, старался угадать, как понравится мне рассказ о коне, и когда переводчик кончил, он оттопырил на руке три пальца и проговорил: «Ючь, ючь», т. е. три раза взял приз.

Действительно, рассуждаю я, чтобы проскакать в один день от Кизил-Арвата до Геок-Тепе 160 верст, лошадь должна быть хороша.

– Что же такая лошадь может стоять? – спрашиваю стариков.

– Не знаем, не знаем! – отвечают они и затем говорят, что хорошая лошадь у них стоит 300, 400 и 500 туманов, что составит на наши деньги, считая по 4 р. туман – от 1200 до 2000 рублей, но что есть лошади и гораздо дороже. Я очень убедительно просил моих гостей привести мне напоказ эту лошадь. Все они обещали, низко кланялись, благодарили за участие, разошлись, и больше я не встречал их. Так мне и не привелось повидать знаменитого гнедого текинского коня.

* * *

Я пробыл в крепости чуть не до половины февраля, а затем поехал вперед вместе со Скобелевым. Собственно говоря, наш текинский поход кончился штурмом Геок-Тепе. После него военных дел не было. Началось умиротворение края и проведение границ. Куропаткин пошел преследовать текинцев. Догнал их, обезоружил и выслал представителей с повинной к Скобелеву. После этого Куропаткин со своим отрядом отправился обратно в Туркестан.

Самый дальний пункт, до которого мы дошли в эту экспедицию, был персидский городок Луфт-Абад. Он клином врежется в оазис. Здесь мы остановились и долго стояли. Здесь же мы получили горестную весть о кончине Государя Императора Александра Николаевича. Мы все страшно поражены были этим известием, в особенности Скобелев. С тех пор я в Луфт-Абаде не видал его веселым. Чуть в разговоре забудется на минуту, улыбнется, – и опять делается грустным.

В конце апреля Скобелев со штабом возвратился в Россию.

* * *

День солнечный, очень теплый. Между Вами и Кизил-Ар-

ватом, по открытой глинистой равнине, точно посыпанной белым песочком, тащится большой ротный фургон, запряженный четверкой тощих разномастных лошадей. На дне фургона, на сене, покрытом темно-малиновым текинским ковром, лежат два пехотных офицера, а между ними я. Позади фургона едет верхом мой казак Погорелов, а за ним в поводу бежит моя лошадь.

– Да-с! Это верно – восклицает с расстановкой, после продолжительного молчания, один из моих соседей, толстый капитан с отвислым бритым подбородком, на голове фуражка с синим околышем. – Год тому назад, здесь бы так не проехал! Текинцы живо кандалы бы нам на ноги набили! А теперь, право, как у нас дома, на Кавказе! Еще спокойнее!

– Тут прежде и с ротой не вдруг бы прошел, – сонливым голосом и не подымая головы от ковра, подтверждает другой попутчик, пожилой штабс-капитан, с густыми рыжими бакенбардами и тоже в фуражке с синим околышем. Он снял сапоги и лежит босиком, так как ноги его сильно потеют. Наш фургон очень велик. Зад его весь завален тюками и разными текинскими вещами: коврами, одеждой, различными серебряными украшениями, оружием и т. д.

Мы тащимся шаг за шагом. Лошади устали, не идут. Только крики солдата-конюха нарушают тишину. Скучно так ехать. Уже с полчаса прошло, как никто из нас ни слова не вымолвил. Разговаривать надоело. Смотрю на одного соседа – спит, даже прихрапывает. Смотрю на другого – и тот

дремлет. Я тоже прилаживаюсь поудобнее, – не засну ли?

Ма-ма-ша до-о-чке го-во-ри-ла:
Смо-три ты, Ма-а-аша, не ша-ли!
Му-щин ко-ва-а-а-рных...

поет кто-то за фургоном незнакомым тоненьким голоском. Неужели это мой Погорелов так старается? Выглядываю – не ошибся. Погорелов как-то ниже стал от старания, подбородок весь запустил за воротник бешмета. Долго слушал я эту песню. И чего-чего он только не перебирал тут, каких только блаженств не представлялось ему в этой песне: и «жена, дай чаю с сухарями» и «жена, дай трубку с табаком» и т. п. Затем кончил, откашлялся, сплюнул в сторону и снова замурлыкал себе под нос тем же бабьим голосом, только повеселее:

Ой, я по бережку, да похаживала,
Чернобыль-травку зал-а-а-амывал-а-а...